

ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ ПРИНЦѢ ИСКАРІОТСКОМЪ

въ трехъ дѣйствіяхъ.

Въ основу предлагаемой „Трагедіи о Іудѣ Принцѣ Искаріотскомъ“ положенъ апокрифъ: „Сказаніе о Іудѣ Предателѣ“.

Сказаніе это найдено Курской губ., г. Путивля въ Воскресенской церкви, въ Евангеліи. И никто не помнитъ, кто и когда написалъ, а писано оно старинною рукою.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іуда — принцъ Искаріотскій.

Стратимъ — принцъ Искаріотскій.

Ункада — племянница царя Искаріотскаго.

Пилать — игемонъ Іерусалимскій.

Сиборія — жена хозяина сада, въ которомъ растутъ золотыя яблоки.

Кадиджа — служанка Сиборіи.

Зпфъ } приближенные Іуды.

Орифъ }

Обезьяній царь.

Вѣстникъ.

Первое дѣйствіе происходитъ на островѣ Искаріотѣ. Второе и третье — въ Іерусалимѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

У потайной двери, выходящей изъ дворцовой ограды къ морю.

СЦЕНА 1-я.

Орифъ и Зифъ.

Орифъ (сидитъ на камнѣ недалеко отъ потайной двери. На лицѣ полумаска. Мурлычить). «Ни заря зарѣетъ¹⁾, ни солнце всходитъ, ой только приходитъ черный кудлатый въ лаптяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку, ой повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣтлые покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ и насыпалъ ей золота-серебра.

Ой мнѣ не мило золото-серебро, а только мнѣ мило отецъ-мать — братъ-сестра.

Ой молчи, не плачь, красная панна, ой будетъ у тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ²⁾...»

(Молчаніе.— Появляется въ дверяхъ Зифъ; на немъ тоже полумаска.)

Орифъ. (Вспокоился.) Кто идетъ?

Зифъ. Ши-ши-га.

Орифъ. А! Это ты. (Съ сердцемъ.) Дергоногій кошатникъ!

Зифъ (оглянувъ его, со смѣхомъ.) Сидишь подъ кустикомъ пѣшь листочки!

Орифъ. Не радъ, что взялся.—Тебѣ назначила сюда притти Ункрада?

Зифъ. Ункрада.

Орифъ. Она тебя подговорила убить принца Стратима?

Зифъ. Подговорила.

Орифъ. Стало быть, намъ придется кислеться въ этомъ чортовомъ логѣ, пока не вытечетъ мозгъ изъ костей промежъ мяса п шкуры.

(Зифъ разражается смѣхомъ.)

Орифъ. Ну что тутъ смѣшного?

Зифъ. А у меня есть рыбка такая: кто посмотритъ на нее, того смѣхъ возьметъ.

Орифъ. Убирайся ты со своей рыбкой! Вытянуть бы тебя по боку палкой,—ишь выльзъ, какъ чуръ изъ печуры.

Зифъ. За то почетъ: убійца принца Стратима! Небось, Иуда такъ не оставитъ. За такую услугу по-царски наградить: отвалить намъ такую мѣру,—затрещать карманы. Да и отъ Ункрады перепадетъ: ея затѣя.

Орифъ. Не ори! наорешься изъ петли. Гогона!³⁾ За нами тоже глазъ.

Зифъ. Знатный пиръ устроили Іерусалимскіе купцы: одной арапской водки сорокъ бочекъ!

Шитыми вышивными коврами устланъ весь берегъ, поверхъ ковровъ горять самоцвѣты. Дудошники, балалаешники, гульба-музыка. За-

¹⁾ Зарѣетъ — горить, зажигается.

²⁾ Лихо, горе, печаль. См. А. А. Потебня: Объясненія малорусскихъ и средныхъ народныхъ пѣсенъ. 1883—87.

³⁾ Гогона — крикунъ, чучело, болванъ. Гогонить — гоготать.

палили дровъ костеръ,—разсыпался дробный жемчугъ краснымъ хоро-
водомъ: Эй, растопчите!

Гм, умѣютъ люди жить: раздолье — живи, ни о чемъ не печалься. Рассказывалъ мнѣ одинъ бывалый человѣкъ, что за чудеса творятся въ этомъ Іерусалимѣ: колосъ на поляхъ начинается съ самой земли, пчелы съ кулакъ, люди рослые, звѣри говорятъ человѣчьимъ языкомъ, жит-
ницы набиты пшеницей до верху съ остаткомъ, а рѣка Іорданъ раз-
ливается съ тихими и глубокими заводами, съ крутыми красными бере-
гами; дворъ игемона Пилата почище будетъ самага Обезьянскаго, дворцы
крыты зеленою казарскою мѣдью, которая дороже красного золота, де-
негъ — куры не клюютъ, а пьютъ черезъ край до дна, и такъ всего
волю, — хотъ пей, хотъ лей, хотъ окачивайся.

Орифъ. Долго здѣсь пробудутъ?

Зифъ. Сегодня въ ночь.

Орифъ. Въ Іерусалимъ?

Зифъ. Прямой дорогой.

Орифъ. Намъ будетъ по пути. Пилать насъ приметъ. Ты сго-
ворился? Мы не попадемся?

Зифъ. Трусъ!

Орифъ. Ярыга! ⁴⁾ Гагара безногая! Лѣзть живьемъ въ пасть, чтобъ тебя тѣ'то ⁵⁾..! Нѣтъ, такъ не рука. Такъ на махъ невозможно: всякую минуту насъ схватятъ, закутутъ въ желѣза, спустятъ три кожи, тогда ужъ поздно думать. А сдѣлать бы намъ дѣло, да шито-крыто преспокойно на корабль.

Зифъ. Хе-хе, — разлакомился! Что жъ, по-твоему, я — дуракъ?

Орифъ. Принцъ Стратимъ на сторожѣ. Одинъ ни шагу. Когда я сюда пробирался къ этой западнѣ, мнѣ попалась цѣлая ватага его оруже-
носецвъ. Узналъ по перьямъ.

Зифъ. Да, Стратимъ на кораблѣ. Я съ нимъ разговаривалъ... такъ слова два. Онъ все жаловался, что у него въ сапогъ песокъ забрался. Онъ кое-что ужъ знаетъ. Онъ держится особо. Онъ гордъ, — не даромъ носитъ имя первой птицы! — силенъ, славенъ, громокъ и пьянъ, какъ земля... ха, ха..!

Я былъ во дворцѣ.

Орифъ. Ты шутишь? — Говори толкомъ.

Зифъ. У царя.

Орифъ. Тебя позвали?

Зифъ. Со всѣмъ почетомъ: тридцать три карлика, семьдесятъ и два шута, — шумъ, трескъ, звонъ. — Мы съ царемъ остались наединѣ. Царь объявилъ, что съ поединка братьевъ изъ-за Ункрады его немилость пала и на насъ, какъ на первыхъ приближенныхъ принца Іуды, но что теперъ онъ съ нами заключаетъ миръ. Потомъ припомнилъ нашъ походъ въ Біармію ⁶⁾. Языкъ развязался. Царь любить вспоминать хо-

⁴⁾ Ярыга — шатунъ, кабацкій пьяница.

⁵⁾ Чтobъ тебя тѣ'то... чтobъ тебя тѣ'то взяли, будешь на томъ свѣтѣ сковородку горячую лизать! — Тотъ, тотъ'то — чертъ.

⁶⁾ Біармія — Біармландія (Beornas) — Пермь Великая, простиравшаяся отъ береговъ С. Двины до Уральскаго хребта. Главнымъ источникомъ объ этой сказочной странѣ явля-
ются скандинавскія саги.

лодную богатую страну: тамъ у бѣлыхъ береговъ свирѣпыхъ рѣкъ мы прожили не мало веселыхъ дней, тамъ — наши битвы и побѣда.

Эй! — стрѣлы натягивали тетиву тугого лука, летали, какъ снѣгъ, гремѣли, какъ громъ; яровая пашня распахана была не плугомъ, а острыми копьями, взборонена не бороной, а коневыми рѣзвыми ногами, посѣяна не рожью, — однѣ буйныя головы, всполивана не осеннимъ сильнымъ дождемъ, а слезами.

Царь спросилъ: остался ли я ему вѣренъ? Я клялся. Годъ похода — годъ рожденія Іуды. Слова за слово, онъ рѣчь повелѣ о нашемъ принцѣ: гдѣ принцъ бываетъ, какъ себя чувствуетъ, видается ли съ братомъ, какъ относится къ Ункрадѣ. Я отвѣчалъ по правдѣ, что Іуда попрежнему не пропускаетъ ни одного Совѣта, часть времени проводить за книгами, по вечерамъ — на морѣ, трезвъ, уединенъ, а что касается Ункрады, то отъ счастья онъ бѣсится не хуже заправскаго жеребца. На это царь сказалъ, что пока цѣла на его головѣ корона и ея зубцы не обломаны, пока стоитъ небо и земля, этого не будетъ, какъ еще многого не будетъ, что могло бы случиться очень просто. Назначилъ мнѣ на завтра часъ и намекнулъ, что жребій падаетъ на насъ съ тобой — намъ двоимъ предстоитъ отвѣтственное дѣло. Я, конечно, согласился. Смекаешь?..

Орифъ. Неужто царь рѣшилъ извести Іуду? — Не могу взять умъ въ голову. — Помню, какъ я къ вамъ явился вѣстникомъ въ Біармію. Царь, услышавъ отъ меня, что у него сынъ родился, отъ радости заплакалъ, а ихній истуканъ Юмалы⁷⁾ съ тѣхъ поръ не пожиралъ такихъ богатыхъ жертвъ, какъ въ ту ночь, и краше царскаго ожерелья на него никто не вѣшалъ.

Зифъ. Ункрада не солжетъ. Она первая намъ открыла объ опасности. Ея слова крѣпче сѣраго камня⁸⁾, ей нельзя не повѣрить, притомъ царя я хорошо знаю: всякое бывало. Здѣсь вотъ чрезъ эту дверь никто еще не уходилъ живымъ, много насѣяно кручины, много нарочено слезъ, однѣхъ костей — цѣлая могила, не садится тутъ ни роса, ни иней, въ каждомъ камнѣ кровь и лишь вѣютъ вѣтры — сколько вѣтровъ! Спуста не молвится слово. Намеки ясны.

Орифъ. Не можетъ быть, чтобъ ссора братьевъ изъ-за Ункрады была причиной такого гнѣва! — ужъ не влюбился ли старикъ на старости въ племянницу?

Зифъ. Глупости! Этимъ онъ давно не занимается.

Орифъ. (Мечтательно.) Она чрезъ поле идетъ ровно темная туча, въ сѣни войдетъ — ясной зарей, въ домъ ступить — солнцемъ, а сядетъ за столъ — красной панной. Она принесла съ собой весну, разсвѣтъ, радость, веселье... Тутъ можно и съ ума спятить.

Зифъ. Толкуй о старыхъ пчелахъ⁹⁾! — ссора братьевъ только поводъ. Въ головѣ царя засѣла та басня, которую распустилъ самъ про себя принцъ Іуда: ему будто бы насаказали какія-то странницы, что онъ убьетъ отца, женится на матери и будетъ царемъ. Эта басня не даетъ царю покоя.

⁷⁾ Истуканъ Юмалы — стоялъ у Бѣлаго моря на С. Двинѣ, гдѣ г. Холмогоры.

⁸⁾ Крѣпче сѣраго камня — сѣрый камень — мистическій камень заговоровъ.

⁹⁾ Толкуй о старыхъ пчелахъ — мели Емеля... болтай зря.

Орифъ. Царь могъ повѣрить наговору какихъ-то безумныхъ попрошайекъ?! И кто поручится, что все это не болѣе, какъ бредъ самого принца?

Зифъ. Море подтвердило.

Орифъ. Кто спрашивалъ?

Зифъ. Царь.

Орифъ. Царь. Вотъ какъ! Да, но если предсказанье вѣрно, оно должно исполниться, но если есть сомнѣнiе, хотя бы въ самой пустяшной его мелочи, оно уже бредни. Самъ посуди, мыслимо ли дѣло: царица такъ стара, мышей не топчетъ. Ты съ принцемъ говорилъ?

Зифъ. Гдѣ его искать! Я передалъ Ункрадѣ о всѣхъ моихъ догадкахъ.

Орифъ (заволновавшись). Смотри, тамъ чья-то тѣнь.

Зифъ. Гдѣ?

Орифъ. Вонъ, у стараго колодца, видишь?

Зифъ. Не нашъ ли принцъ! Постою я посмотрю. (Идетъ къ колодцу.)

Орифъ (безпокойно). Поди сходи.

Зифъ (за сценой). Стой, ни шагу дальше! Не уйдешь.

Орифъ. Фу, духъ отшибло!

Зифъ (возвращаясь). Никого нѣтъ. А мнѣ показалось, кто-то ударилъ меня по плечу—рука такая теплая.

(Зифъ прохаживается. Орифъ присѣлъ. Нѣкоторое время молчанiе.)

Орифъ (самъ съ собой). Судьбы не обойдешь. И впрямь выходить такъ. Пожалуй, и повѣришь... Все не къ добру, какъ передъ крупною бѣдой: на морѣ появились невиданныя птицы, укаютъ по-звѣриному, на могилахъ видится огонь, покажется, мигнетъ, исчезнетъ, въ лѣсу горитъ свѣча, столы трещать, на маковкѣ дворца садится филинъ, ласточки влетаютъ въ домъ, поетъ пѣтухъ съ поникшей головой, собаки воютъ, свиньи выносятъ солому со двора...

Зифъ. Пустое! Дѣло не въ собакахъ и свиньѣ, была бы рука крѣпка—мѣтокъ ударъ.

СЦЕНА II-я.

Орифъ, Зифъ, Ункрада.

Ункрада (появляясь со стороны дворца). Готовы?

Зифъ (обнажаетъ мечъ). Всегда и безъ ошибки—въ сердце.

Орифъ (сверкнувъ ножомъ). Не задрожить.

Ункрада. А я—(Словно распустилась вся)—моей душой. На кораблѣ погасли огни. Западаетъ мѣсяцъ. Меркнетъ ночь. Паруса подняты. Стратимъ съ своей ватагой во дворцѣ. Допьяна пьяны. Буянили. Теперь храпятъ. Сюда Стратимъ придетъ одинъ. Вы догадаетесь, когда начать. Потомъ трупъ въ море. Забьетъ волна. И не останется ни пѣны, ни пузырей.

Орифъ. Вода глубока.

Зифъ. Семь лѣтъ, какъ опустили топоръ, а онъ все еще до дна не дошелъ.

Ункрада. Стратимъ не ожидаетъ. Съ нимъ справитесь легко. Не подымайте шума. Какъ трава не можетъ стоять противъ косы, такъ

и онъ не могъ бы стоять противъ васъ. Живымъ онъ отсюда не долженъ уйти.

Орифъ. Принцъ Иуда знаетъ?

Ункарада. Нѣтъ. Я одна отвѣчаю. (Подаетъ кошелекъ.) Пока берите это, тутъ аравитское золото ¹⁰⁾.

Орифъ. Благодаримъ. Исполнимъ все.

Зифъ. Пѣтухъ не пропоетъ, какъ вылетитъ душа изъ Стратима. А гдѣ намъ ждать?

Ункарада. Станьте сюда. Такъ. Тутъ незамѣтно.

(Зифъ и Орифъ прячутся.)

Н. Рёрихъ. Декорація трагедіи „Иуда Искаріотскій“.
M. Rörich. Décor pour la tragédie „Judas Iscariote“.

---

¹⁰⁾ Аравитское золото—самое чистое золото.

СЦЕНА III-я.

Ункрада и Иуда.

Ункрада (задумалась). Береза, родимая береза! ¹¹⁾ Кто тебя так опечалилъ? Холодный ли сѣверный вѣтеръ? Или жестокой морозъ оцѣпилъ твои листья? Или гнѣвный потокъ отбилъ отъ корней твою опору—землю? Не отъ мороза ты застыла, и не вода тебя одолѣла. Нѣтъ, пришли, одолѣли... (Вдругъ развернулась.) Если это такъ, если это совершится, ну, посмотримъ—я разрушу небо—кто сильнѣй, и увидимъ, кто крѣпче? (Задумалась.) Погнули, поломали твои вѣтви, притоптали, повывали зеленую траву. Печалью, восходить красное солнце... А ты вѣй, вѣтеръ, вѣй, душу и сердце понеси моей родинѣ, обейми ее ласково легкими крыльями, согрѣй ея бѣлую грудь. Помоги, пособи мнѣ. Я вернусь. Я приведу царя—моего и твоего царя—Иуду.

Иуда (появляется съ моря). Зачѣмъ ты мнѣ назначила эту западню? Здѣсь едва слышенъ голосъ: морской вѣтеръ уноситъ половину словъ. (Осматриваясь вокругъ.) Память мнѣ неизмѣняетъ: здѣсь на этой змѣиной дорогѣ я встрѣтилъ тѣхъ вѣщихъ страшныхъ странницъ, онѣ облюбовали эту проклятую башню. Что ты такая?

Ункрада. Принцъ.

Иуда. Дурныя вѣсти? Я привыкъ. Тебя обидѣли?

Ункрада. Сядь тутъ. Видишь, я спокойна.

Иуда (грустно). Сегодня меня не приняла мать. Давно я не вижу отца...

Ункрада. Знаю. Злое небо! Межъ нами роютъ ровъ. Слушай меня. Твоя судьба рѣшается.

Иуда (рѣзко). Кто рѣшаетъ?

Ункрада. Сегодня послѣ приѣма іерусалимскихъ купцовъ, когда царь вошелъ къ царицѣ, я находилась въ сосѣднемъ покоѣ. Сперва я думала уйти, но меня что-то остановило. Я осталась. И до меня донесся ихъ разговоръ. Дѣло шло сначала объ игемонѣ Пилатѣ, потомъ упомянулось твое имя. Я насторожилась. Царь сказалъ, что его терпѣнью пришелъ конецъ, и сталъ описывать тебя такимъ злодѣемъ, отъ котораго возможно всего ждать: ты будто бы покушался на его жизнь, ты погубишь мать, брата. А чтобы отъ тебя оградиться, царь рѣшилъ: объявить наслѣдникомъ Стратима, тебя же присудилъ къ изгнанію. Потомъ Зифъ сообщилъ мнѣ, что былъ онъ у царя и изъ его намековъ ясно понялъ: тебѣ угрожаетъ смерть.

Иуда (вспыхнувъ). Меня лишитъ престола? Я—на отца? Мнѣ—смерть?

Ункрада. На, читай письмо Стратима. Я его получила сегодня послѣ обѣда.

Иуда (быстро пробѣгаетъ глазами письмо). Ему извѣстно рѣшеніе царя! Онъ проситъ у тебя свиданія? Какая наглость! Ты ему отвѣтила?

Ункрада. Я согласилась.

Иуда. Ункрада, развѣ такъ можно?.. Онъ сюда придетъ?! Ты этого не должна дѣлать. Онъ вобразить, что ты съ нимъ заодно, что ты его любишь...

¹¹⁾ Мотивъ колядки. См. А. А. Потебня: Объясненія.

У н к р а д а. Да, онъ сюда придетъ—къ старому колодцу. Ты пойми: такъ надо. Твоя судьба рѣшается. Буду съ нимъ ласкова и нѣжна. Онъ мнѣ повѣритъ. Онъ пойдетъ за мной всюду, куда я захочу. Я заманю его сюда, къ этой двери. Ты встрѣтишься съ Стратимомъ. Вы будете лицомъ къ лицу. Ты можешь не подымать руки, не проливать крови. Это сдѣлають другіе: мечъ у нихъ остръ, стрѣлы часты. Такіе найдутся. Трупъ—въ море. Море костливо. Завтра скажутъ: іерусалимскіе купцы... убили.

І у д а. Іерусалимскіе купцы... а! вотъ что. Хорошо.

У н к р а д а. Твой отецъ старъ. Ему не долго носить корону. Она перейдетъ къ тебѣ. Она—твоя. Твой будетъ островъ и море. Мы покоримъ западъ до Океана, востокъ до Кавказа. Переплывемъ море вдоль и поперекъ. Пойдемъ на сѣверъ—на мою бѣлую родину. Я поведу тебя черезъ дикую степь, черезъ поемные луга, черезъ прилуги по зарѣ, по мѣсяцу, по звѣздамъ къ широкимъ омутистымъ рѣкамъ, къ вѣтвистой вербѣ. Тебя тамъ встрѣтятъ, какъ своего царя. (Словно колдуя.) Зимы тамъ долги и темны. Бѣлый снѣгъ. Какъ завѣютъ сильные свирѣпые сиверы¹²⁾, наложитъ Зима желѣзные оковы на облака и пойдетъ съ гвоздемъ, оковы-ваетъ воды и землю, накладываетъ на рѣки и озера ледяные мосты, скрѣпляетъ гвоздемъ. Зацвѣтутъ тогда окна морозными цвѣтами, замететъ путь перистымъ снѣгомъ, а по воздуху лютъ¹³⁾ летитъ, нижеетъ на вѣтви скатный перебранный жемчугъ. А придетъ Весна, уснетъ черный сѣверный вѣтеръ, приплыветъ съ юга бѣлый, потихоньку повѣетъ. Встанутъ звѣри изъ спячки. Солнце опуститъ къ намъ на дворъ золотыя качели, день и ночь стоитъ, стелетъ по лугамъ красныя ткани, сѣетъ золотомъ. А вдоль берега бѣлыми цвѣтами калина свѣтитъ темную поросль. Не замѣтишь—Лѣто приспѣло. Ночи—въ терновомъ огнѣ. Звонкія пѣсни. И выются хороводы, какъ хмель. Такъ ночь до зари. Вотъ соберется гроза, разломитъ все небо и ударитъ проливнымъ дождемъ, а за пролоемъ¹⁴⁾—радуга. И поютъ, шумятъ луга. Ходитъ медвѣдь. Колесомъ пошло солнце подъ гору, появилась паутина, летитъ надъ полями. Въ красномъ гарусѣ кудрявая рябина. Ледовая роса на зарѣ. Это—Осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывутъ облака-лебеди. А лѣсъ у насъ какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ, это я тебѣ запою пѣсню. Уласкаю тебя. Поведу тебя дальше въ непроходимыя страны, обволоченныя лѣсами и туманами, бурей пройдемъ всѣ лѣса, и дальше за равнины, за дыбучія болота—мышинными норами, змѣиными тропами—за лукоморье, за желѣзныя горы...

І у д а. А предсказанье?

У н к р а д а. Выбора быть не можетъ.

І у д а. Отецъ и мать и братъ—теперь всѣ противъ меня.

У н к р а д а. Я съ тобой.—Любишь ли меня?

І у д а. Отрекаюсь отъ отца, который далъ мнѣ жизнь. —Цѣлую твой прахъ.

У н к р а д а. Царство даю тебѣ.—Любишь ли меня?

¹²⁾ Сиверы—сѣверные вѣтры.

¹³⁾ Лютъ—блестка, искра инея, летающая по воздуху въ солнечный морозъ.

¹⁴⁾ Пролой—проливной дождь.

Іуда. Отрекаюсь отъ матери, которая въ мукахъ родила меня.—
Касаюсь твоего сердца.

Ункрада. Въ рай ввожу.—Любишь ли меня?

Іуда. Отрекаюсь отъ брата, съ которымъ выросъ и полюбилъ
солнце, море и землю.—Обнимаю твою душу.

(Съ башни дворца—часы.)

Ункрада (встрепенувшись). Пора. Жди меня. Здѣсь найдешь дру-
зей. Они тебѣ помогутъ. (Уходитъ въ сторону дворца.)

СЦЕНА IV-ая.

Іуда, Зифъ и Орифъ.

Зифъ (выступаетъ). Принцъ Іуда.

Орифъ (выступаетъ). Принцъ Іуда.

Іуда. Вы были тутъ? Вы слышали? Вы знаете? Вы—за меня?

Зифъ. Принцъ, я научилъ васъ владѣть конемъ, я сковаль вамъ
боевой мечъ.

Орифъ. Я пѣлъ надъ вашей колыбелью пѣсни,—такія поются на
родинѣ Ункрады; вамъ снился подъ нихъ первый сонъ.

Іуда. Спасибо. Я вамъ вѣрю.—Только зачѣмъ у васъ такой на-
рядъ? Снимите эти маски. Къ чему скрываться? Вы за меня—вы правы.

Зифъ. Да, но... маска не мѣшаетъ: въ нашемъ быту носъ—все.

Орифъ. Намъ такъ виднѣе.

Іуда. Я одинъ самъ сумѣю защититься. Мнѣ важно: вы готовы
за меня умереть. Въ волчій вѣкъ такъ рѣдко. Невѣрность и измѣну
стойло бы вписать въ законы. Духъ меркнетъ. Нѣтъ цѣннаго, есть только
цѣны. Слова захватаны. Страшно стало говорить. Всюду кровь. Такъ
отъ крови земля загорится, не останется на свѣтѣ дерева, камня на
своемъ мѣстѣ, вѣтеръ развѣетъ прахъ—вы знаете, скажите мнѣ: чѣмъ
я виновенъ?

Зифъ. Принцъ, шаги.

Орифъ. Это онъ—вашъ братъ Стратимъ.

Іуда. Ну что жъ—ну что жъ... (Ходитъ взадъ и впередъ. Задумался,
про себя.)

Пойдетъ Бука на сарай—

Конямъ сѣна надавай.

Баю, люлю зыбаю ¹⁵⁾—

Идетъ батя съ рыбою.

(Приотворяетъ дверь.) Звѣзда, спустись ко мнѣ! (Какъ бы гадая.) Берегъ въ
пѣнѣ. Бьютъ валы. Море темно. Сѣдая даль.—Звѣзда упала.—Если бы
ничего этого не надо было дѣлать!—(Вдругъ отступаетъ, потомъ берется за-
творить дверь, не можетъ. Шопотомъ къ кому-то, кто находится за дверью и
только ему одному виденъ.) Слышу, слышу. Опять вы пришли. Вы мнѣ
говорили разъ, зачѣмъ повторять?—память у меня хорошая, я не за-
былъ. (Дверь сама собой затворяется. Раздѣльно и ясно.) „Убьешь отца, же-
нишься на матери, будешь царемъ“. (Минуту стоитъ молча, что-то внутренно
рѣшая.) Нѣтъ, этого не будетъ. Никогда. Не хочу. (Обернувшись къ Зифу

¹⁵⁾ Зыбаю—колыхаю, качаю; зыбка—люлька, колыбель. Народная колыбельная пѣсня.

и Орифу, успѣвшимъ занять безопасное положеніе, говоритъ твердо.) Идите на корабль. Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

Зифъ. Принцъ, васъ одного оставить здѣсь... Тогда не надо медлить.

Иуда (настойчиво). Я буду слѣдомъ.

Орифъ. Намъ не велѣно. Нашъ долгъ. Мы взялись исполнить.

Иуда (нетерпѣливо). Идите! Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

(Зифъ и Орифъ уходятъ къ морю.)

СЦЕНА V-ая.

Иуда и Ункрада.

Ункрада (внезапно появляясь изъ-за развалинъ). Принцъ, это я. Не тревожься. Я одна. Я завела Стратима къ бѣгучему ключу. Онъ плутаетъ тамъ одинъ въ потемкахъ. Мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть... Что ты такъ смотришь на меня? Какіе измученные глаза!

Иуда (показывая на дверь; шопотомъ). Онъ опять приходили.

Ункрада. Что ты говоришь? Кто приходилъ?

Иуда. Тѣ три вѣщихъ странницы.

Ункрада. Успокойся, все живое давно покинуло эту мертвую башню.

Иуда. Нѣтъ, я ихъ узналъ. Онѣ мнѣ опять повторили то предсказаніе.

Ункрада. Это въ тебѣ кровь заговорила. Ты не думай. Оставь эти мысли. Я буду съ тобой неразлучна.

Иуда. Я отпустилъ и Зифа, и Орифа. Они на кораблѣ.

Ункрада. Зачѣмъ?—Ты все погубишь.

Иуда. Я не могу.

Ункрада. Не можешь?..

Иуда. Я уйду. Мнѣ страшно.

Ункрада. Предсказанья? Да? Да завтра же тебя убьютъ, какъ самаго послѣдняго злодѣя.

Стратимъ (за сценой). Ункрада! Ункрада!—Гдѣ ты?

Ункрада. Тебя привяжутъ къ лошадиному хвосту, размыкаютъ по полю. Птицы налетятъ и поклюютъ твое тѣло; вѣтры подымутся—размечутъ твои кости, и не останется отъ тебя ни слѣда, ни памяти. Что тогда твое предсказанье?

Стратимъ (за сценой). Ункрада!—Гдѣ же ты?

Ункрада. Слышишь, сейчасъ я приведу его. Укрѣпи свое сердце. Ради меня. Ради нашей любви. Ради нашего царства. Ты далъ мнѣ клятву. (Уходитъ.)

СЦЕНА VI-ая.

Иуда, Ункрада и Стратимъ.

Иуда (оставшись одинъ, въ задумчивости).

Пойдетъ Бука на сарай,—
Конямъ сѣна надавай.
Баю, люлю зыбаю—
Идетъ батя съ рыбою.

Стратимъ (появляясь съ Ункрадой со стороны дворца, къ Ункрадѣ).
Какая глушь! Я въ первый разъ. Здѣсь выколешь себѣ глаза. Сырость,
холодъ. Что это, маякъ?

Ункрада. Выступай смѣлѣй! Здѣсь выходъ къ морю.

Стратимъ. Черезъ ту щель?—Я прикажу разрушить эту стѣну.

Ункрада. Мы ее разрушимъ вмѣстѣ.

Иуда (прямо съ мѣста). А! братъ. Какъ хорошо, что ты сюда пришелъ.—Смотри, я еще живъ.

Стратимъ (смѣривъ Иуду съ головы до ногъ). Носишь имя принца, а прячешься, какъ воръ.

Ункрада. Такъ цари не поступаютъ.—Не правда ли?

Иуда (холодно). Онъ меня этимъ оскорбить не можетъ.

Стратимъ. Хотѣлъ изъ-за угла! Ты, конечно, спряталъ въ этой западнѣ своихъ наушниковъ? Намъ они извѣстны.—Ункрада, этотъ негодяй, какъ жаба, прѣлъ въ норѣ, выслѣживалъ насъ... И готова для меня могила... Поторопился.

Ункрада (играя, ластится къ Стратиму). Принцъ, оставь, не надо.

Стратимъ (двусмысленно). Я увѣренъ.

Иуда (вспыхивая). Принцъ Стратимъ... будущій властитель, царь, ха!.. дни и ночи по кабакамъ—разгулъ и пьянство. Ты горячей головней покатишь островъ, ты внесешь раздоръ, ненависть, злобу, опустошеніе, кровь, пепель... звѣри наѣдятся человѣческаго мяса, птицы—сестры войны—напьются человѣческой крови, ты выроешь могилу цѣлому народу.

Стратимъ. А что тебѣ народъ? Ты покушался на жизнь отца.

Иуда. Лжешь! Клевета. Неправда.—Кто видѣлъ?

Стратимъ. Да если бы не я, царь погибъ бы.—Цареубійца!

Ункрада (торжествуя). Кто жъ правъ?—Рѣшайте!

Стратимъ (къ Ункрадѣ). Смотри, бѣшенная пѣна! Онъ и на тебя бы поднялъ руку... отъ него все станетъ. (Дразня Иуду.) Крылья подрѣзаны, хвостъ выщипанъ.

Ункрада. Иуда, слышишь?

Иуда (въ ярости). Замолчи!—самъ идешь на смерть.

Стратимъ. Что тебѣ тутъ надо? Оставь насъ. Силой хочешь?—

Какой-то проходимецъ, придорожный бродяга...

Ункрада (къ Стратиму). Пойдемте, онъ убьетъ насъ...

Иуда (берется за мечъ). Я готовъ.

Стратимъ. Кто ты?—Мое достоинство не позволяетъ мнѣ...

Иуда (обнажая мечъ). Такъ.

Стратимъ (отступаетъ). Я буду защищаться, какъ на большой дорогѣ отъ разбойниковъ.

Иуда. Что?.. дрожишь?.. Одинъ ударъ—и тебя не станетъ. Теперь ты въ моей власти. (Минута молчанія. Подавая Стратиму свой мечъ, царственно.) Какъ царь, я отдаю тебѣ оружіе, первенство и островъ. Прощай. (Идетъ къ морю. Въ дверяхъ.) Море до облакъ. Я свободенъ: отца никогда не увижу, мать никогда не увижу, а царство я самъ отдалъ. (Къ Ункрадѣ.) Теперь ужъ судьбѣ не найти меня,—съ вѣтра пришла и на вѣтеръ уйдетъ.

Стратимъ (отбрасывая оружіе). Несчастный! Для тебя нѣтъ спасенія. Съ ума сошелъ.

У нкрада (вслѣдъ, какъ во снѣ). Часъ часу минуется. Иди. Ищи, кого надо. Люби, кого любо. А я ужъ знаю, какъ мнѣ быть. Оболокусь облакомъ, подпояшусь зарей, огорожусь мѣсяцемъ, обтычусь звѣздами, освѣчусь краснымъ солнцемъ. Я пойду ни дверью, ни воротами, ни путемъ, ни дорогой, я отыщу на морѣ ключъ, я отомкну замокъ, я подыму неподъемную желѣзную доску, возьму изъ-подъ нея все горе и всю тоску и понесу въ моихъ рукахъ, не уроню, а уроню на землю—земля загорится, а уроню на воду—вода загорится. Я вложу всю тоску и все горе тебѣ въ ноги, въ руки, въ сердце, въ брови, въ глаза—ее въ пляскѣ не запляшешь, въ гульбѣ не загуляешь. А ты, мѣсяцъ,—обмануль меня! А вы, звѣзды,—обманули меня! А ты, моя вѣрная темная ночь, ты меня не обманешь, ты покроешь его темнотой—будетъ рвать на себѣ одежду, будетъ кровь изъ себя сосать.—Я возьму мой часъ,—я найду тебя.

З а н а в ѣ с ѣ .

Н. Рѣрихъ. Ункрада.
N. Rhörich. Ounkrada.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

У дворца Пилата. Виденъ садъ, огороженный заборомъ. Въ саду яблоня съ золотыми яблоками.

СЦЕНА 1-я.

Кадиджа, Сиборія и Орифъ.

Кадиджа (У забора изъ сада, къ Орифу). Скажите, господинъ, какія новости во дворцѣ. Какъ здоровье игемона Пилата?

Орифъ (пріосанившись). Спасибо, по прежнему: ни хуже, ни лучше, одинаково.—Осъ тутъ такая пропасть, всю шею обкусали.

Кадиджа. Вы придворный?

Орифъ. При управителѣ—лицо неприкосновенное.

Кадиджа (кланяясь). Госпожу мою зовутъ Сиборія, а я—Кадиджа. Вотъ сколько лѣтъ я тутъ видѣла совсѣмъ другія лица. — Что старичокъ-управитель Карпій?

Орифъ. Э! да вы порядочно отстали.

Кадиджа. Мы только что вернулись въ Іерусалимъ. Мы гостили у бабушки на Соколиной горѣ, что у Сорочинскаго поля ¹⁶⁾, мы съ бабушкой варили варенье и дѣлали пастилу. Домой мы пріѣхали ночью. Нашъ господинъ Симонъ караулил садъ и только успѣлъ мнѣ сообщить, что во дворцѣ произошло большія перемѣны и что, когда я сама все увижу, то просто ахну.

Орифъ. Вамъ, стало быть, неизвѣстно, что управителемъ дворца назначенъ принцъ Искаріотскій, бѣжавшій съ вашими купцами съ острова Искаріота.

Кадиджа. Принцъ!—скажите! въ первый разъ слышу. И настоящій?

Орифъ (съ удовольствіемъ разсматриваетъ Сиборію). Самый настоящій. Только безъ принцессы.

Кадиджа. Знаете, за день нашего отъѣзда съ Соколиной горы мнѣ приснилось, будто сижу я одна въ темной комнатѣ и вдругъ вижу: входитъ мужикъ съ фонаремъ, приподнялъ мужикъ фонарь и сталъ меня ловить, а самъ такой черный, косматый. Я—отъ него, онъ—за мной. Кружились-кружились: съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнули черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота—дальше и дальше—онъ меня какъ хапъ за руку и схватилъ.

Бабушка говоритъ: пятничный сонъ сбудется въ воскресенье...

Орифъ (недовольно). Я въ сны не вѣрю. Это только старые люди: старики да старухи отъ нечего дѣлать ворчатъ и въ сны вѣруютъ.

Кадиджа (смѣясь). А зачѣмъ же принцъ бѣжалъ?

Орифъ. Да если бы принцъ не убѣжалъ, его бы прикокошили.

Кадиджа. Бѣдняжка.—За что же это такое?

Орифъ. Темная исторія. Царь—его отецъ очень испугался одного предсказанія. У насъ на островѣ таскаются такіе странники, зовутъ

¹⁶⁾ Сорочинское поле—не то поле, около котораго происходила гоголевская Сорочинская ярмарка, а то поле поосторонь Іерусалима, на которое выпадала изъ тучи Голубиная книга.

ихъ Судицы или Рожаницы ¹⁷⁾. Народъ мелеть про нихъ, будто онѣ и то и сѣ и читають въ звѣздахъ и знаютъ, что должно случиться въ мірѣ на тысячу лѣтъ впередъ; окружены онѣ змѣями и змѣятами, лисицами и совами, а ноги у нихъ гусиныя,—самъ видѣлъ. Эти-то странныя, встрѣтивъ какъ-то принца, отмѣрили ему таланъ, — нагородили такую чепуху: уши вянутъ; а онъ возьми да и расскажи все царю. Царь на усъ и намоталъ, а тутъ подвернулись разныя другія исторіи: ихъ двое братьевъ—два принца, оба они влюбились въ одну,—она ихъ, какъ мертвой рукой обвела, околдовала,—нравъ и сталъ показываться. Разъ они другъ друга чуть на тотъ свѣтъ не отправили.

Кадиджа. Долго ли до грѣха!—Кто жъ она такая?

Орифъ. Ункрада по имени — племянница царю. Отецъ ея былъ настоящій царь — братъ нашему, а мать, хоть и царскаго рода, да плѣнная: съ сѣвера изъ дремучихъ лѣсовъ тамъ, гдѣ Бѣлое море. Когда они померли, Ункрада пришла къ намъ на островъ. Тутъ и началось.

Глупая баба все на скуку наводитъ, а эта—самъ свѣтъ, огонь и краса. Брови густыя, длинныя и такія черныя, словно два ворона сидятъ на ея глазахъ. Разгорится лицо — не уймется. А голосъ такой вольный—говоръ ¹⁸⁾ лебединая; какъ запоетъ—старики заплашутъ, каменный заплачетъ, горитъ гора-горъ ¹⁹⁾.

Кадиджа. Что жъ, новый управитель—принцъ очень страшный?

Орифъ. А вотъ увидите: послѣ обѣда онъ выйдетъ сюда съ игемономъ на крылечкѣ посидѣть. — Какъ сказать? Задачливъ ²⁰⁾, разгораздъ ²¹⁾, только больно базыковать ²²⁾; тутъ во дворцѣ все вверхъ дномъ перевернулось—здорово подчистилъ, да и намъ нагорѣло. Ну въ двадцать лѣтъ это понятно—въ горячей водѣ купанъ ²³⁾.

Да со временемъ человѣкъ переработается.

Кадиджа. Какъ его зовутъ?

Орифъ. Принцъ Іуда.

Сиборія (оставшаяся все время какъ бы безучастной, съ большимъ удивленіемъ, почти пораженная). Іуда?

Орифъ. Что васъ такъ удивляетъ? Развѣ такое уже чудное имя? У насъ на островѣ, положимъ, оно только царямъ дается, но тутъ у васъ въ Іерусалимѣ сплошь да рядомъ.

Сиборія. Кто его такъ называлъ—Іудой?

Орифъ. Кто называлъ?—мать и море. Онъ первенецъ. Царица была уже въ годахъ, а дѣтей все не было. И она очень горевала. Вотъ, бывало, дни и ночи все у моря, все молилась. Знать и намолила,—и бузины ѣсть не надо ²⁴⁾. Царь въ тѣ времена былъ въ походѣ, когда сынъ родился.

¹⁷⁾ Судицы, Рожаницы—урженицы, наречницы, судницы, норны, мойры — дѣвы судьбы; онѣ даютъ человѣку долю, часть, участь въ жизни, отмѣриваютъ таланъ.

См. „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. Акад. А. Н. Веселовскаго XI—XVII. Вып. 5. Спб. 1889. Статья: Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ.

¹⁸⁾ Говоръ—помолвка, произношеніе.

¹⁹⁾ Гора-горъ—человѣкъ страстный, ухарь.

²⁰⁾ Задачливъ—успѣшный, счастливый, удачный.

²¹⁾ Разгораздъ—искусный, ловкій, мастеръ.

²²⁾ Базыковать—своеволенъ.

²³⁾ Въ горячей водѣ купанъ—вспыльчивъ.

²⁴⁾ Бузину ѣдятъ отъ безплодія.

Иуда по-нашему это все равно, что царь морской или водяной богъ ²⁵⁾.

Сиборія (съ любопытствомъ, волнуясь). И не было у царя подозрѣній?

Орифъ. Какія же тутъ подозрѣнія?—Царица никуда глазъ не показывала, жила черничкой, только развѣ что къ морю и затѣмъ ровно черезъ годъ у ней другой сынъ родился, Стратимъ. А этого такъ называли по имени самой главной морской птицы, которая держитъ подъ правымъ крыломъ бѣлый свѣтъ.

Одинъ мудрецъ чудесно ее описываетъ ²⁶⁾:

Живетъ на синемъ морѣ,
Плодъ плодитъ на морѣ,
Въ морѣ яйца несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ.

Да вы меня не слушаете?

Сиборія (открываетъ лицо. Смѣшавшись, сквозь слезы). Моя служанка мнѣ говорила, что тутъ передъ дворцомъ ходитъ страшный старичище, а когда вы стали рассказывать, мнѣ и представилось, что это новый управитель... принцъ

Орифъ. Пойдите: страшный старичище... Тутъ бываютъ только двое: я и Зифъ. Больше никого. (Увѣренно.) Это—Зифъ.

Кадиджа. Кто жъ этотъ Зифъ?—тоже при управителѣ?

Орифъ. Лицо неприкосновенное.—Отважный. Ничто его не держитъ: ни погода, ни вьюга, ни осенніе дожди. Гдѣ-гдѣ мы съ нимъ ни путешествовали. Побывали и въ Мазанческомъ царствѣ: такое есть дѣвичье царство, а женятся онѣ на Ефіопахъ съ году на годъ,—мальчишекъ отдаютъ Ефіопамъ въ ихъ земли, а дѣвчонокъ при себѣ оставляютъ. Прожили мы у нихъ съ мѣсяцъ въ родѣ Ефіоповъ, — такая была тамъ Василиса гусятница, кхе... Ну были еще и у тѣхъ чудаконъ, которые подъ негасимымъ огнемъ живутъ въ Алыберскомъ царствѣ: не пьютъ, не ѣдятъ, куда вѣтеръ повѣетъ, туда и эти люди летятъ, какъ паутина, а смерти имъ нѣтъ и въ руки не даются. Правда, народъ благочестивый: ни одного ругательнаго слова... Кое-какъ протараканили время, посняли головъ двѣнадцать для развлечения да въ Окаменѣлое царство пустились. Въ Окаменѣломъ царствѣ ничего особеннаго, только что печки топятъ орѣхами, да заброшено оно на конецъ земли, гдѣ ни за какія деньги того же ситнаго не достанешь. Пообѣщали мы имъ пирога съ горохомъ, да давай Богъ ноги. А то попали разъ въ Поливянскую землю ²⁷⁾, такая есть Поливянская земля; такъ въ этой землѣ, какъ есть, все ни на что не похоже: люди не люди — полузвѣрь, получеловѣкъ, объ одномъ глазѣ и объ одной ногѣ, а головы и въ поминѣ нѣтъ, вмѣсто головы такъ что-то въ родѣ мышиннаго хвостика торчитъ. Насилу ноги убрали. Круто пришлось.

(Не отводя отъ Сиборіи глазъ.) Зифъ—это задній умъ. Спитъ на одинъ глазъ.—Да вотъ и самъ онъ.

(Кадиджа, вскрикнувъ отъ испуга, убѣгаетъ).

²⁵⁾ Иуда-Юда—древне-славянское названіе для воднаго божества, сохранившееся въ Чудѣ-Юдѣ русской сказки. Юда—отъ корня und (лат. unda болг. уда).

²⁶⁾ Стихъ изъ „Книги Голубиной“.

²⁷⁾ Поливянская земля—земля великихъ грѣшниковъ, покаранная за грѣхъ; упоминается въ русскихъ духовныхъ стихахъ.

СЦЕНА II я.

Сиборія, Орифъ и Зифъ.

Зифъ (появляется изъ-за дворца отъ воротъ). Ага! любезный другъ,—такъ вотъ какъ ты занятъ государственными дѣлами. Губа у тебя не дура.—Кто это?

Орифъ. Сиборія, жена нашего сосѣда Симона.

Зифъ. Той гнусавой развалины съ пауковой бородой?—Не ожидалъ! (Кланяется Сиборіи.) Позвольте представиться: совѣтникъ принца—Зифъ, а этотъ почтенный старецъ—мой соратникъ Орифъ.

Орифъ (обидѣлся). Самъ-то ты правой ногой приволакиваешь. Хромой чортъ!

Сиборія. Очень пріятно.—Вы, конечно, встрѣчались съ моимъ мужемъ?

Зифъ. Имѣлъ честь... отличный рѣдкій человѣкъ. (Замѣчая яблоню съ золотыми яблоками; съ удивленіемъ.) Какія прекрасныя яблоки! — У насъ на островѣ нѣтъ ничего подобнаго. Ну, право, я никогда бы не повѣрилъ, что гдѣ-нибудь на землѣ могутъ такія водиться. — Золотыя яблоки—и должно быть очень вкусныя. Позвольте мнѣ, я только одно... (Заноситъ ногу, чтобы перелѣзть черезъ заборъ.)

Сиборія (въ испугѣ). Нѣтъ, нѣтъ, никакъ нельзя. Эти яблоки заповѣдныя. Мы ихъ приносимъ только въ жертву. Въ память нашего сына. Мой мужъ такъ боится, что тронуть хоть одно яблоко. Онъ никому не довѣряетъ. Не спитъ ночей,—самъ ихъ стережетъ.

Орифъ (пріосанившись). Еще посмотримъ!—Одинъ такой устерегъ...

Зифъ. А я бы право не прочь... Я такихъ сроду не пробовалъ: они такія румяныя, какъ ваши губы, и золотыя, какъ эти волосы—(Лѣзетъ руками къ Сиборіи.)

Сиборія (отстраняясь). Стыдно!—старый вы человѣкъ!..

Зифъ (пошевеливаясь). Я хоть и старъ, но задатки еще имѣю—кое-чего достаточно.

Орифъ (фыркнулъ). У меня побольше.

(Зифъ и Орифъ расшутились. Трогаютъ другъ друга, толкаются, подпрыгиваютъ, подмигиваютъ. Говорятъ скороговоркой, двусмысленно, мѣтя въ Сиборію).

Зифъ (подмигнувъ Орифу). У одного старика было десять сыновей и всѣ они десять поѣхали на одной лошади пахать.

Орифъ. Вотъ это—ловкачи. Чего же это они десять человѣкъ дѣлали?

Зифъ. Умные люди найдутъ, что дѣлать.

Орифъ. Н-да, не хуже мохноногой.

Зифъ. Пахали, да еще какъ!

Орифъ. Ха-ха-ха! Смекнула?

Зифъ. Небось, смекнешь.

Орифъ. Похоже на то.

Зифъ. И такъ—и сякъ.

Орифъ. И такъ—и сякъ.

Сиборія (добродушно). Ей-Богу, прямо бѣсы, только что хвостовъ нѣтъ.

Зифъ. Вотъ и ошибаетесь: есть—да еще какіе! Орифъ, покажи!

Орифъ (кобенясь). Трудно вынимается.
 Зифъ. Вреть: распѣтушь²⁸⁾—такъ недоростокъ.
 Сиборія. Фу!—отъ стыда глаза горять. Скажу вашему принцу.
 (Скрывается.)

СЦЕНА III.

Зифъ и Орифъ.

(Какъ только скрылась Сиборія, тотчасъ Зифъ и Орифъ, не мигнувъ, бросаются къ тому мѣсту, гдѣ она стояла. Ищутъ шелку. Находятъ и смотрятъ въ садъ.)

Зифъ (съ замеревшимъ дыханіемъ). Лакомый кусочекъ.
 Орифъ. Цѣлый кусище.
 Зифъ. Жулябія!—какъ она на меня смотрѣла... ты замѣтилъ?
 Орифъ. Не смотрю въ глаза.—Ты мнѣ ногу отдалъ.
 Зифъ. А ты не подымай морду,—куда лѣзешь!
 Орифъ. Бьюсь объ закладъ: дѣло выгорить. (Съ пискомъ.) Червячокъ клюнулъ!
 Зифъ (запыхавшись). Рыбка попалась!
 Орифъ. Выгляни ты.
 Зифъ. Вывѣси ты.
 Орифъ. Солнышко! Яблонка!
 Зифъ (нѣжно). Сиборія, съ чего ты хороша такъ, Сиборія!
 Орифъ. (Сюсюкая, какъ съ дѣтьми, и самъ себѣ отвѣчая). Я—тутъ. Ты слышишь?—Нѣтъ.—А ты? ²⁹⁾
 Зифъ. Въ умѣ не устою. Пусти!
 Орифъ. Покажи мнѣ пальчикъ! Дай пальчикъ!
 Зифъ. Отстать не хочется...
 Орифъ (не владѣя собой). Мяу-Мяу.
 Зифъ (не владѣя собой). Мяу-Мяу.
 (Зифъ и Орифъ, какъ слѣпые котята за молокомъ, тычутся къ шелкѣ.)

СЦЕНА IV.

Зифъ, Орифъ и Іуда.

Іуда (появившійся на крыльцѣ, нѣкоторое время смотритъ съ большимъ любопытствомъ). Послушайте,—чѣмъ вы тамъ занимаетесь?

Зифъ (застигнутый врасплохъ, съ необыкновенно суровымъ выраженіемъ лица). Дѣла.

Орифъ (застигнутый врасплохъ, съ остервенѣніемъ). Дѣла.

Іуда (поспѣшно сходитъ съ крыльца. Къ Зифу). Мнѣ сказали, что ты вернулся съ корабля. Я нарочно раньше вышелъ изъ-за стола. Повсюду тебя ищу.

Зифъ (оправляясь). Я не смѣлъ беспокоить васъ, принцъ. Вижу—накрытъ обѣдъ, я—сюда, а тутъ—Орифъ, мы и поспорили: можно челоуѣку пролѣзть черезъ шелку или нельзя? Чокъ въ бокъ—и стали при-мѣряться.

²⁸⁾ Распѣтушь—ни то, ни се; клadenный, холощенный пѣтухъ.

²⁹⁾ При произношеніи этой фразы слѣдуетъ смягчать: з въ ъ; и въ и.

Орифъ. Только для этого, а больше не для чего.

Иуда. Дикая игра!—Говори скорѣе, что новаго привезли купцы, какія вѣсти съ острова?

Зифъ. Худымъ худо.—Неважно. Разумъ у царя помутился: доступъ во дворецъ закрытъ, всюду кишатъ шпионы, хватаютъ по первому доносѣ; царь вообразилъ, что вы скрываетесь на островѣ, и издалъ приказъ казнить всѣхъ рыжихъ. Но, сами знаете, вы были единственнымъ, и вѣрные прислужники, никого не найдя, все-таки изъ заслуги перекололи не мало сѣдыхъ и черныхъ. Ункарада...

Иуда. Ункарада?

Зифъ. Объявлена свадьба: она выходитъ замужъ за вашего брата, за принца Стратима...

Иуда (не довѣряя). Ты правду говоришь?

Зифъ. Слово въ слово. — Убійства, грабежи, казни. Недородъ хлѣбамъ, недоростъ травамъ. Морь, голодъ, грозы. Деревья по корню приломились. Разгремѣлась туча, надрожалась земля отъ грома. Расхотелось море со дна, день и ночь шумить безъ-умолку. Луга, болота залиты водой. Бродятъ волки и змѣи. — Море мститъ. Говорятъ, оно утишится, пройдетъ безгодье ³⁰⁾, настанетъ миръ, когда вы снова воротитесь на островъ.

Иуда (весь опустошенный). Послушайте, мнѣ вернуться? Я ничего не зналъ — я чувствую, какъ развертывается подо мной пропасть, упалъ мракъ — словно ночь мое сердце, весь миръ закачался, разламываетъ грудь, здѣсь перевернулось что-то... Куда мнѣ дѣться? — я плохо вижу, еще толчокъ. — Всѣ противъ, всѣ отреклись: отецъ, мать, братъ. (Завертѣлся, какъ кубарь, кричить.) Ункарада, Ункарада!

Зифъ (стараясь перекричать, во все горло). Игемонъ!

Орифъ (невозмутимо). Стоить изъ-за пустяковъ такъ волноваться.

(Зифъ и Орифъ отходятъ въ сторону къ воротамъ).

СЦЕНА V.

Иуда, Пилать, Зифъ и Орифъ.

Пилать (съ крыльца). Я разослалъ гонцовъ. Всѣ норы перерыли. Какъ въ воду канулъ. А онъ тутъ себѣ спокойно рѣшетомъ солнце ловить ³¹⁾. Не хорошо. Измѣна! (Смѣется.)

Иуда (самъ съ собой). Отецъ, мать, братъ, Ункарада.

Пилать. Иуда!—Принцъ!—Да что это на тебя столбнякъ напалъ?

Иуда (безсмысленно). Повтори...

Пилать. Ты оглохъ.—Я говорилъ, вредно купаться въ Иорданѣ. Иуда! (Показывая рукой въ даль.) Эна—синее море.

Иуда (встрепенулся.—Подходя къ Пилату). Прости, меня встревожили извѣстія: на родинѣ война.

Пилать. Опять за старое. Что такое родина? — плюнь. Хочешь музыкантовъ? Хочешь, я заставлю для тебя пролѣзть сквозь бревно во

³⁰⁾ Безгодье—безвременье, бѣдствіе.

³¹⁾ Рѣшетомъ солнце ловить—мечтать.

всю длину? А то поотдохнемъ немножко и поѣдемъ кататься на слонахъ.—Чай, у васъ бѣлые слоны не водятся?

Иуда. Только человѣчки о длинныхъ блошиныхъ ногахъ и съ быстрыми сторожливыми мягкими лапками.

Пилатъ. Ты нынче не въ духѣ.—Ну, засмѣйся!—А знаешь, что я придумалъ?

Иуда. Говори.

Пилатъ. Ну-ка отгадай!

Иуда. Пилатъ, уволь!

Пилатъ. Не можешь.—Такъ и быть, скажу... аль не говорить?

Иуда (послѣ томительнаго молчанія). Ну и не говори.

Пилатъ. Я хочу, чтобы ты женился.

Иуда. Какія глупости!—Зачѣмъ?

Пилатъ. Какъ зачѣмъ? — Чудакъ. Кажется по-русски я тебѣ сказалъ ³²⁾.

Иуда. Благодарю. Я въ этомъ не нуждаюсь.

Пилатъ. Иѣтъ, позволь ужъ мнѣ знать, что тебѣ нужно. Принялъ я тебя, какъ родного сына, ты былъ голъ, какъ лутошко ³³⁾, и босъ, какъ гусь,—обулъ тебя, одѣлъ, ты висѣлъ, какъ капля на листу,—далъ тебѣ уголъ, я сдѣлалъ тебя первымъ человѣкомъ. Какой же я игемонъ, если не буду заботиться о своихъ подданныхъ, да притомъ еще о такомъ, какъ ты? Посмотри-ка на себя: на что ты похожъ? — и сонъ на глаза не идетъ, все поди ерзаешь. Повѣрь мнѣ: женишься, и все пойдешь по маслу.

Иуда (едва сдерживаясь). А я бы тебѣ посовѣтовалъ разжениться, а то ужъ слишкомъ ты масленъ.

Пилатъ. Разжениться? — мнѣ! — ха-ха! (Самодовольно обводя глазами, словно готовый обнять все, что только можно обнять, замѣчаетъ яблоню съ золотыми яблоками. Пораженъ.) Что за чудеса?!—Иуда, видишь?

Иуда. Яблоки.

Пилатъ (не вѣря себѣ). Золотыя?

Иуда. Золотыя.

Пилатъ. Сорви.

Иуда. Нельзя.

Пилатъ. Что?!

Иуда. Они не наши.

Пилатъ (ровно малый ребенокъ). Изведусь—хочу.

Иуда. Запрещаетъ законъ.

Пилатъ (Словно вырастая до небесъ). Я—законъ.

Иуда (минуту остается неподвиженъ.—Молчаніе.—Потомъ рѣзко.) Хорошо. (Направляется къ забору, срываетъ замокъ съ калитки и исчезаетъ въ саду.)

(Зифъ и Орифъ, которые слонялись гдѣ-то на задворкахъ, теперь на звонъ упавшаго замка высовываются вперед и, съ любопытствомъ глядя на Пилата, прыскаютъ отъ смѣха.)

Пилатъ сидитъ, розиня ротъ, съ сознаниемъ всего своего безграничнаго величія и предвкушая запретное удовольствіе.)

Зифъ. Законъ!

³²⁾ Кажется по-русски я тебѣ сказалъ—русскимъ языкомъ я тебѣ говорю — отрицать по-русски, напрямки, на чистоту.

³³⁾ Лутошко—липка, съ которой снята кора, содрано лыко.

Орифъ. Эка пасть то разинулъ.—Быка проглотить.
Зифъ. Жизнь и Смерть.
Орифъ. Ничего себѣ мордочка.
Зифъ. Тотъ, Который знаетъ.
Орифъ. Брюшко такъ и пышетъ.
Зифъ. Свѣтъ, просіявшій во мракѣ. Утѣшеніе міру.
Орифъ. Слюни распустилъ.
Зифъ. Сама Судьба.
Орифъ (на колѣняхъ). Радуйся, радуйся, Боже!
Зифъ (на колѣняхъ). Радуйся, радуйся, Земля!
(Зифъ и Орифъ прячутся при видѣ Іуды, который съ яблоками въ рукахъ выходитъ изъ сада.)

Іуда (взволнованно). Старый хрычъ... Онъ бросился на меня изъ-за куста и хотѣлъ меня ударить. (Кому-то грозя.) Ну, пеняй же теперь на себя.—Длинные руки. (Подаетъ Пилату золотыя яблоки.)

Пилатъ (облюбовывая яблоко). Хорошо полакомиться золотымъ яблочкомъ! (Отвѣдывая.) Какъ сахаръ.

Іуда (разсматривая яблоко). Не дурно. Такихъ я не встрѣчалъ. Горить, какъ жарь.

Пилатъ (входя во вкусъ). Разуважилъ всласть.—Просто прелесть. (Принимаясь за другое.) И дура же я, дура набитая, какъ это раньше-то я не замѣчалъ?

Іуда (играя яблокомъ). Ты ничего не замѣчаешь. Цѣлое дерево передъ самымъ твоимъ носомъ.

Пилатъ. Будемъ имѣть въ виду.—Ахъ да, совѣмъ и забыть: нынче къ намъ гости будутъ: пожалуетъ самъ Обезьяній царь.

Іуда. Любопытно.

Пилатъ. Нашъ старый закадычный другъ: вмѣстѣ пудъ соли съѣли. Тебѣ, конечно, извѣстно, что нашъ Іерусалимъ—это пупъ земли, а Обезьянское царство отсюда рукой подать, тоже въ родѣ какъ на пупѣ стоитъ или около того тамъ, гдѣ все начинается. Мѣстность лѣсистая, жаркая, богатства несмѣтныя. Но главное, такой народъ тамъ—бестія: чихнуть нельзя—все сейчасъ же у нихъ извѣстно. Обезьяній царь мнѣ всѣ новости рассказываетъ, и, еслинадобно какіе-нибудь такіе совѣты, тоже можетъ за милую душу. А главное: выйдетъ онъ и ровно всѣ ободѣютъ, такъ изъ него и претъ это, старика подыметъ. Вотъ увидишь. Ты съ нимъ поговори. Замѣчательный: на ходу держитъ носъ противъ вѣтра, знаетъ переулки и закоулки, входы и выходы, не сдѣлаетъ дѣла с проста, вретъ, какъ лыко деретъ,—такъ словами, какъ листьями, стелетъ,—Асыка Первый. Вотъ кстати! Надо его угостить. На сладкое падохъ.

Іуда. Большая свита?

Пилатъ. У! страсть. Сначала-то ничего, а потомъ: такъ и идутъ за нимъ, какъ рыба въ Іорданѣ, да съ пѣснями, съ ладонями,—пискъ, визгъ, гикъ, толкотня. Одного сахара за день погрызутъ, другому бы на годъ хватило, а полъ изслѣдятъ,—съ недѣлю послѣ моютъ, ничѣмъ не отмыть. А есть среди нихъ презабавныя.

Іуда. Маленькія?

Пилатъ. Всякія: и большія и маленькія. (Растерянно.) Погоди!.. что такое?.. что я сейчасъ подумалъ?—Ахъ, да! (Хочетъ.) Здорово при-

думаль!—Я этихъ твоихъ старыхъ дураковъ женю. Ей-Богу, женю. (Потирая руки отъ удовольствія.) Посмотримъ, что-то выйдетъ... Первая проба! Понимаешь: человѣкъ — обезьяна. Воображаю. (Хочетъ.) У васъ этимъ не занимаются?

(Изъ сада подымается глухой женскій плачь.)

Иуда (насторожившись). Не знаю.

Пилать. А на тебя мы возложимъ обезьяньи знаки. Ты такіе не видѣлъ?

Иуда (прислушиваясь). Нѣтъ.

Пилать. Я Ироду намереніи послалъ, такъ онъ обидѣлся. Дуракъ!—Мало ли какіе бываютъ: у однихъ звѣзды, у другихъ звѣри, а у третьихъ это... Что тамъ за шумъ?

Иуда (весь вобравшись въ себя). Да, шумъ.

Пилать. Ужъ не пожаръ ли? (Вдругъ просіявъ.) А!—да это онъ — Обезьяній царь!—а я думалъ Богъ вѣсть что. Надо открыть ворота настежь.

Иуда (дрожа всѣмъ тѣломъ). Тамъ кто-то плачетъ.

Пилать. Ну вотъ еще!—это тебѣ кажется. Я никогда не ошибаюсь.

Иуда. Плачетъ.

(Стукъ въ ворота.)

Пилать (подымается). Эй, кто тамъ, сюда!

Иуда. Въ саду плачетъ.

Пилать (нетерпѣливо). Какого чорта!—Я вамъ шиломъ глаза проверчу!

(Молчаніе. Входитъ Орифъ.)

Пилать. Что тамъ такое?

Орифъ. Зифъ сейчасъ узнаетъ. Зифъ на ногу лютъ, скорымъ на скоро сбѣгаетъ, дошлый—живо узнаетъ.

(Стукъ въ ворота. Тревожно. Появляется Вѣстникъ.)

СЦЕНА VI-ая.

Иуда, Пилать, Орифъ, Вѣстникъ и Обезьяній царь.

Вѣстникъ. Его величество царь Обезьяній, Обезьянь великій — Асыка Первый.

Пилать. Прости. (Вѣстникъ исчезаетъ. Къ Иудѣ.) Вотъ видишь, никто и не думалъ плакать. (Идетъ къ дверямъ.)

(Музыка: обезьяній маршъ.³⁴)

Пилать (на порогъ). А! Добро пожаловать, дорогой гость—насилуто дождался. Все приготовлено: столы застланы, пироги напечены, меду насычено, каша наварена.

Обезьяній царь. На востокъ зажглась хвостатая звѣзда. Весь ея путь въ огнѣ. Днемъ и ночью брежжитъ. Идетъ въ Іерусалимъ.

Пилать. А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь (глазѣя на диво). Неправдошныя.—Поддѣлка.

Пилать. А ты не бойся.—Держи въ обѣ лапы.

³⁴) Обезьяній маршъ—музыка М. А. Кузмина.

Обезьяній царь (не рѣшаясь взять, нашелся). А у насъ дубъ просятъ вывелъ, курица барана родила.

Пилать. А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь. А у насъ безрукій яйцо подобралъ, голому за пазуху наклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой ура закричалъ, безногаго въ погоню погналъ.

Пилать. А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь. А къ намъ Арапъ пришелъ. Ъсть не просить, засѣлъ подъ пирамиду, пескомъ питается.

Пилать. А у насъ принцъ Искаріотскій Іуда.

Обезьяній царь (взглянувъ на Іуду, сбитый съ толку). А у насъ... (Занулся.)

Пилать (передразнивая). А у насъ...

СЦЕНА VII-ая.

Тѣ же и Зифъ.

Зифъ (появляясь отъ воротъ). Скоропостижно умеръ человѣкъ.

Говорятъ всѣ вмѣстѣ.	{	Пилать. Ну?!
		Іуда. Кто такой?
		Обезьяній царь. Человѣкъ?
		Орифъ. Я такъ и зналъ.

Зифъ. Сосѣдъ Симонъ, хозяинъ сада.

Іуда. Гдѣ?

Зифъ. Нашли мертвымъ у яблони.

Іуда. Давно?

Зифъ. Еще теплый.

Іуда. Такъ что жъ имъ надо?

Зифъ. Говорятъ: убили.

Іуда. Есть подозрѣніе? — говори.

Зифъ. Требуютъ игемона.

Пилать (теряясь). Скажи, что я—я тутъ не при чемъ—у меня гости (Спѣшить во дворецъ.)

Іуда (перебиваетъ. Рѣзко и отрывисто). Кто смѣетъ требовать? Кто? — Чернь разогнать, трупъ похоронить, имѣніе и садъ—въ казну, а если есть молодая вдова, немедленно доставить во дворецъ!

Зифъ (удаляясь). По-царски.

Орифъ (удаляясь). Ладно.

Обезьяній царь. (схвативъ золотое яблоко, къ Іудѣ). Молодчина! Руку...

(Раздается хохотъ Пилата, выглядывающаго изъ дворца черезъ полузатворенную дверь.)

Іуда (какъ съ цѣпи сорвался). Черная, красная, желтая, бѣлая, — всякаго цвѣта женщина, будь ты чудовище, будь ты самый послѣдній уродъ, мнѣ все равно—всѣ равны. Нѣтъ памяти въ сердцѣ. Нѣтъ надъ нимъ суда. Нѣтъ ему отвѣта. Ты, Солнце, ты, Мѣсяцъ, вы звѣзды, и Тотъ, Кто словомъ держитъ землю, дайте мнѣ звѣриную силу забыть. Подымитесь тучей, разорвите въ куски мое сердце: оно помнить, оно

не забыло... Ноги мои гвоздями прибиты, руки мои гвоздями прибиты, прободено сердце, а я еще живъ!

(Отъ воротъ появляется Сиборія въ сопровожденіи Зифа и Орифа, которые ее уговариваютъ.)

СЦЕНА VIII-ая.

Иуда, Обезьяній царь, Зифъ, Орифъ и Сиборія.

Зифъ. Не кроти красоты. Не коли сердца.

Сиборія. Куда вы ведете меня?— Что я вамъ сдѣлала?

Орифъ. Не скорби лица. Не слези глазъ.

Сиборія. Зачѣмъ увели меня?— Что вамъ надо отъ меня?

Зифъ. Не клони головы. Уйми слезы.

Орифъ. Онъ не лисица, не объѣстъ, не обцарапаетъ.

Иуда (увидѣвъ приближающуюся Сиборію). А, вотъ она!

Обезьяній царь (одной рукой подшвыривая, другой рукой подхватывая золотое яблоко). Звѣзда идетъ!— Звѣзда идетъ!

Иуда (пристально и долго глядя на Сиборію). Ты меня знаешь?— Я — Иуда принцъ Искаріотскій. (Послѣ напряженнаго молчанія къ Зифу и Орифу, хрипло.) Ведите во дворецъ. (Идетъ впередъ.)

Сиборія. Иуда? У меня былъ сынъ Иуда.

З а н а в ѣ с ѣ .

Н. Рѣрихъ. Іерусалимъ.
N. Röhrich. Jerusalem.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація второго дѣйствія. Въ заборѣ калитка широко растворена.

СЦЕНА I-я.

Зифъ и Орифъ.

Орифъ (сидитъ на скамейкѣ недалеко отъ калитки. Мурлычить). «Ни заря зарѣетъ, ни солнце всходитъ, ой только приходитъ чернѣйшій кудлатый въ лаптяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку, ой повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣтлые покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ и насыпалъ ей золота-серебра. Ой мнѣ не мило золото-серебро, только мнѣ мило отецъ-мать, братъ-сестра. Ой молчи, не плачь, красная панна, ой будетъ у тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ...»

Зифъ (бродя, какъ сонная муха). Много ихъ попало въ бѣду! Про одного рассказываютъ: схватилъ онъ подвернувшійся колъ и такъ ловко чвакнулъ³⁵⁾ соннаго по головѣ, что у того черепъ раскололся. Ткнулъ еще коломъ въ животъ и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Орифъ. Изъ ревности?

Зифъ. Нѣтъ, такъ себѣ.

Орифъ. Ну и обезьяна! Эти обезьяны любого изъ насъ за поясъ заткнутъ.

Зифъ. А что съ той косоглазой выдѣлывали — просто умора! — Гладилъ, гладилъ ее одинъ — тише воды, ниже травы — да какъ пырнетъ, кровь пробрызнула...

Орифъ. Какъ же ихъ судили?

Зифъ. Обыкновенно, какъ людей.

Орифъ. Какой же приговоръ?

Зифъ. Одна дорога — всѣмъ безпощадная казнь. Принцъ неумолимъ: не спускаетъ вины виноватому.

Орифъ. Я бѣ и этого самаго Обезьяняго царя положилъ-бы на ладонь и другою раздавилъ, вотъ такъ! Онъ вѣдь всѣмъ коноводилъ. — Да не одного его... а и еще кого-нибудь. — Ласковыя лести, привѣтливыя слова, чомы да ломы³⁶⁾! Только что по поясъ человѣкъ, а тамъ — скотъ. Намутили, пакостники!

Зифъ. Не поздоровится! — Всякій свое, какъ полагается, по закону получить: кому вытянуть жилы, кому гвоздь вобьютъ въ голову, кому животъ распорютъ, кого сожгутъ въ уголь, кого бросятъ въ котелъ съ расплавленнымъ свинцомъ, кого закопаютъ по уши въ землю, кому голову долой. — Знай нашихъ!

Орифъ (грустно). Что-то теперь у насъ на островѣ дѣлается?

Зифъ. Вѣстей давнымъ давно нѣтъ. — Должно быть провалился.

Орифъ. Въ своемъ то домѣ и углы помогаютъ.

Зифъ. Когда муравей перейдетъ черезъ море, тогда мы вернемся. — Острова намъ какъ своихъ ушей не видать. Выкинь ты его изъ головы.

³⁵⁾ Чвакнулъ — хватилъ.

³⁶⁾ Чомы да ломы — спесь. Такъ говорится про спѣсиваго и гордаго.

Орифъ (встаетъ и бродитъ какъ Зифъ, сонной мухой). Здорово жарко. Зифъ (насмѣшливо). А ты чего такъ закутался, не зима.— Ты хотъ бы разстегнулся.

Орифъ (раздраженно). Самъ растегнись.

Зифъ. И растегнусь.

Орифъ (дразня). Песъ тебѣ не велѣлъ!— Ну?

Зифъ (повертываясь къ Орифу спиной. Зло). Проклятая середка,— безталанный день!— Что за дурацкія причуды: навязать носить эти обезьянны знаки. Да съ такимъ сокровищемъ на шеѣ, если не прикрываться, никуда и носа не покажешь: всякій тебя на смѣхъ подыметъ.

Орифъ. Слава Богу, что хотъ только по середкамъ велятъ. А то сопрѣешь. (Плаксиво.) Мѣста себѣ не нахожу. Доведутъ они до конца: станешь хуже листа лежалаго.— Хотъ бы въ холодокъ куда!

Зифъ. Нашли посмѣшище!— Это за всѣ то за наши заслуги и такое безобразіе! Нечего сказать: показали Москву въ рѣшето ³⁷⁾!— Я полагалъ, что намъ отвалятъ этакъ мѣшка по три чистаго золота. (Верхъ возмущенія). Да что мы ему въ самомъ дѣлѣ?— На чорта они намъ, обезьянны знаки!— у меня тоже есть стыдъ!— хороша дружба... неблаго- дарный.

Орифъ. Это Сиборія ему на насъ наговорила.

Зифъ. Сиборія?

Орифъ. Была оплошка,—помнишь, какъ мы въ щелку-то влѣзть хотѣли... ты еще палецъ то себѣ ссадилъ?..

Зифъ. Иуда къ намъ ревнуетъ.

Орифъ. Тихе, онъ въ саду.

Зифъ. Съ ней?

Орифъ. Нѣтъ, съ игемономъ.

Зифъ. А Сиборія?

Орифъ. Пошла во дворецъ. (Глубокомысленно.) Она всегда по- ровить пройти мимо меня.

Зифъ (оживился). Ничего себѣ штучку подцѣпилъ!— За такой ну- женъ глазъ да глазъ, а то живо рога наставитъ.

Орифъ (съ удовольствіемъ). Не такъ давно, какъ они женаты, а она отъ скуки прямо на стѣну лѣзетъ (Прыскаетъ.)

Зифъ (повода усомъ). Ему хотъ коль на головѣ тѣши, все равно,— писклячья душа ³⁸⁾. (Толкая Орифа подъ бокъ локтемъ.) Ей нешто такого надо!

Орифъ. Не стоитъ мараться.

Зифъ. Стоить и даже очень стоитъ... (Озлившись.) А то самъ — во какую, а намъ эти неподходящіе обезьянны знаки, да еще... ипъ чего захотѣлъ: женись, говоритъ, на обезьянѣ! (Перекашиваясь.) Кушайте сами, если больно охота.

Орифъ. Мнѣ эта чумазая тварь до сихъ поръ во снѣ снится. — Насилу тогда очунѣлъ ³⁹⁾.

Зифъ. А мнѣ досталась черная губастая, такая противная, что я не удержался и плюнулъ ей прямо въ ротъ.

Орифъ (шипить). Мышій хвостъ—тараканій глазъ!

³⁷⁾ Показать Москву въ рѣшето—обмануть.

³⁸⁾ Писклячья душа—хилый.

³⁹⁾ Очунѣлъ—очувствовался, опомнился.

Зифъ. Налицо само дѣло: Иуда къ намъ ревнуеть.

Орифъ. Волчья сыть—травяной мѣшокъ!

Зифъ. Ухватило за сердце: вотъ онъ надъ нами и издѣвается.

Орифъ. И говорить не хочется!—Что тутъ хорошаго, въ этомъ Иерусалимѣ: ни въ любви, ни къ совѣсти, ни къ душѣ—на умъ ничего не пойдетъ. То ли дѣло на островѣ: ѣшь! сытъ, не хочу! А тутъ круглый годъ впроголодь. Не люди тутъ, а природы. Бьешься, перебиваешься, что рѣка отъ берега до берега. Все не по-нашему. — Чего добраго или одубѣешь ⁴⁰⁾, или спечешься: у меня по всему тѣлу что-то въ родѣ яичной скорлупы растеть. Надо бы хуже, да некуда.

Зифъ. Не скажи,—скоро тутъ такое подымется, только пухъ полетитъ—будетъ гдѣ разгуляться.

Орифъ (въ испугѣ). Неужто опять Обезьяній царь?—Я не согласенъ. Я сбѣгу.

Зифъ. Овчухъ ⁴¹⁾! Отъ Обезьяняго царя давно слѣдъ простылъ: онъ себѣ знаетъ. Нѣтъ, появился необыкновенный человѣкъ: исцѣляетъ мертвыхъ, подаетъ зрѣніе слѣпымъ, имѣетъ власть надъ вѣтрами и моремъ, а когда проходитъ, на весь свѣтъ свѣтитъ, и поля и звѣри преклоняются передъ нимъ, а глаза его—насквозь видятъ. Говорятъ, этотъ самый человѣкъ и будетъ царемъ Иудейскимъ.

Орифъ. А игемона по шапкѣ?

Зифъ. Не на рукахъ же нянчить!—Надаютъ хомяковъ ⁴²⁾. Важное время приходитъ: такое тутъ подымется—пойдетъ смерть по напастямъ, только держись.

Орифъ (осѣль). Старъ я сталъ,—на моихъ плечахъ семьдесятъ два лѣта,—ни новостей мнѣ не надо, ни богатства. Ты и такъ, и сякъ, а оно возьметъ свое. А былъ-то я какой: красивый и стройный, хоть сквозъ колечко продѣнь. Ушли мои силы. Не воротиться въ молодые дни. (Присаживаясь). Милѣ сна ничего нѣтъ.

Зифъ. Сонъ и смерть—братья. (Хохочетъ.) Гроза будетъ, ты и киснешь.—А я еще молодцомъ: могу и туда, и сюда воротить!

Орифъ (чуть не плача). Хоть бы кисленькаго!—что-то морить... Я грозы боюсь.

Зифъ. Вставай ужъ! (Подсмѣиваясь.) Пойдемъ козью простоквашу ѣсть. (Подмигивая.) Или покормить тебя медовыми оладушками ⁴³⁾? Эхъ ты, лягушечья мля ⁴⁴⁾! Боляба ⁴⁵⁾!

(Зифъ и Орифъ удаляются по направленію къ воротамъ).

СЦЕНА II-я.

Зифъ и Ункрада.

Зифъ (возвращаясь.) Фу!—въ глазахъ позеленѣло. Нѣтъ, я не могъ ошибиться. Это была Ункрада.—Я хорошо вижу.

⁴⁰⁾ Одубѣешь—окоченѣешь.

⁴¹⁾ Овчухъ—овечій клещъ.

⁴²⁾ Надаютъ хомяковъ—подшлепниковъ, колотушекъ.

⁴³⁾ Оладышки—олады—лепешки, толстые блины.

⁴⁴⁾ Лягушачья мля — лягушачья слизь, отъ которой у дѣтей на рукахъ бородавки бывають.

⁴⁵⁾ Боляба—размазня, вѣчно хворый.

Ункрада (слѣдомъ за нимъ). Ты меня узналъ?
 Зифъ. Изъ тысячи узналъ бы. Вы ничуть не измѣнились, Ункрада.
 Ункрада. Тише! Я не хочу, чтобы кто-нибудь зналъ, что я тутъ.— Гдѣ Іуда?
 Зифъ. Въ саду. А жена его во дворцѣ.
 Ункрада. Онъ женатъ?—давно?
 Зифъ. Еще не кончился медовый мѣсяцъ.
 Ункрада. Кто его жена?
 Зифъ. Сиборія, жена нашего сосѣда, покойнаго Симона.
 Ункрада. Я хочу все знать.
 Зифъ. Принцъ Іуда скоро выйдетъ.
 Ункрада (послѣ нѣкотораго раздумья). Тебѣ извѣстна дорога къ пристанямъ?
 Зифъ. Веселая дорога,—какъ не знать!
 Ункрада. Ты проводишь меня, но такъ, чтобы никто не видѣлъ.
 Понимаешь? Наши корабли еще не всѣ пристали. Ты можешь это сдѣлать?
 Зифъ. Когда угодно.
 Ункрада. Я хочу все знать.
 Зифъ. Развѣ вы тутъ не останетесь?
 Ункрада. Я сюда вернусь потомъ. Я приду сюда не такъ.
 Зифъ. Идемте. Тутъ опасно. Вы слышите?
 Ункрада (прислушиваясь). Іуда?
 Зифъ. Іуда и игемонъ. Идемте.
 (Торопливо уходятъ по направленію къ воротамъ.)

СЦЕНА III-я.

Іуда и Пилать.

Пилать (выходя изъ сада, къ Іудѣ). Я очень доволенъ, что ты теперь такъ спокойно можешь разсуждать о всякихъ предметахъ. Ты мнѣ прекрасно изложилъ ученіе этого человѣка. Оно безсмысленно и несурочно. Но кто такой этотъ человѣкъ?

Іуда (сосредоточенно). Иногда мнѣ кажется, онъ одинъ изъ тѣхъ, кто появляется во времена угнетенныя, когда власть крѣпка, а въ странѣ тишь да гладь. Жуткая пора: кладбища-могилы, засыпанныя землей, только такъ кажутся тихими, все подавленное живо, и въ тишинѣ и скрытно куетъ сердце изъ всѣхъ слезъ на всѣхъ огняхъ и кладетъ его гордое и безстрашное, въ грудь одному—родится сынъ человѣческій, громомъ падаетъ онъ и мститъ за тысячи, и месть его жесточе тысячи местей. Иногда же мнѣ кажется, онъ больше такого мстителя, больше пророка, посылающаго на землю огонь и морь. Вѣтры носятъ его по надзвѣздному міру, звѣри, трава, даже камни говорятъ съ нимъ и повинуются его велѣнію, птицы внимаютъ ему и слушаютъ. Жизнь, какъ она есть, непонятна: живутъ не зная для чего, мучаются, не зная за что... Нѣтъ ей оправданія. И твоя правда, и моя правда, и вездѣ правда, а нигдѣ ея нѣтъ. Этотъ человѣкъ несетъ новый законъ.

Пилать. Новый законъ! Ха-ха! Царемъ хочетъ быть? Царь Іудейскій!

Иуда (сокровенно). Я видѣлъ его: онъ остановился на распутиѣ промежъ трехъ дорогъ, онъ ждетъ къ себѣ другого, который, измученный, нигдѣ не находя себѣ утѣшенія, пришелъ бы къ нему и принялъ бы на себя послѣднюю и самую тяжкую вину, чтобы своей жертвой открыть ему путь...

Пилатъ. Какую жертву? И такъ все для нихъ дѣлаемъ.

Иуда (не отвѣчая; самъ съ собой, въ раздумьѣ). Человѣческое сердце, привявшее на себя послѣднюю и самую тяжкую вину, можетъ ли оно вынести всю тяжесть такой послѣдней вины?

Пилатъ. Эти бунтовщики натворили не мало зла.

Иуда. Она заполнитъ все его сердце, она охватитъ всю его душу, она обниметъ его съ ногъ до головы, люди въ ужасѣ отшатнутся отъ него, небесныя силы съ воплемъ отлетятъ прочь, выскользнетъ земля изъ-подъ его ногъ, и онъ останется одинъ, повиснетъ на воздухѣ и будетъ висѣть одинъ между землей и небомъ.

Пилатъ (раздражаясь). Ну, что имъ еще надо? Что вздумали! У меня просто голова разбалывается. Впрочемъ, у насъ найдутся средства. Я на тебя, какъ на каменную гору. (Приостанавливается на крыльцѣ.) Какая грозная туча. Вешній градъ летитъ. Будетъ звонъ на небесахъ.

Иуда. Парить.

Пилатъ. А какъ твоя жена? Доволенъ?

Иуда. Меня удручаютъ ея припадки.

Пилатъ. Она больна? Ну, вотъ видишь, я говорилъ тебѣ. Ничего, можно и другую. За этимъ дѣломъ не станеть.

Иуда. Нѣтъ, зачѣмъ... Такъ она веселая и спокойная, и смирна, какъ роса, но по временамъ на нее находитъ. Это бываетъ въ такіе вотъ душные дни начала мѣсяца.

Пилатъ. Въ помѣшательствѣ находится?

Иуда. Тихе, вотъ она.

(Сиборія выходитъ изъ другихъ дверей дворца.)

Пилатъ (наблюдая за Сиборіей). Видѣ у нея подозрительный.

Иуда. Она становится у яблони и плачетъ.

Пилатъ. О старикъ?

Иуда. Нѣтъ, о сынѣ.

Пилатъ. Развѣ были у нея дѣти?

Иуда. Былъ одинъ сынъ. Говорятъ, что въ ночь, когда онъ родился, появилась эта чудесная яблоня съ золотыми яблоками. Тутъ скрывается какая-то загадка.

Пилатъ. Ты съ ней не говорилъ?

Иуда. Ни разу.

Пилатъ. Она горитъ, какъ свѣча. Смотри, она цѣлуетъ землю.

Иуда. Ей представляется, будто она приходитъ на могилу къ своему сыну.

Пилатъ. Пойдемъ! (Съ гадливостью.) Мнѣ не по душѣ слезы и претятъ могилы. Пойдемъ.

Иуда. Ей лучше, когда она одна. Я сейчасъ. Иди.

(Пилатъ уходитъ во дворецъ, Иуда остается на крыльцѣ.)

СЦЕНА IV-я.

Сиборія и Іуда.

Сиборія (стоитъ противъ яблони; причитаетъ). Думала ли я, гадала ли я, что доживу до печальнаго разставанія и буду охать въ тоскѣ и въ бѣдѣ. Стало не въ мочь мнѣ кручиниться, пришлось мнѣ говорить лютую гробовую тоску. У меня бьется сердце по тебѣ, убивается, а некому утѣшить. Всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ не заѣмъ, не запью, не проливъ слезъ. Ой, горькая истома моя! Бѣдное сердце, съ утра до вечера кручинное! Ты былъ бѣлѣе бѣлаго снѣга, румянѣй огненнаго солнца, милѣй серебристой луны. Горы облегли—обняло горе. Вздохни, отзовись, или ты полюбилъ сырую мать-землю, забылъ свою родную? Подымались метели со снѣгами, то на нашу бѣду, выходили тучи изъ-за облакъ грозными выюгами, то на нашу бѣду; онѣ унесли нашъ ненаглядный свѣтъ, онѣ закрыли и земель прикрыли. Заря выходитъ, а ты не взойдешь: съ черною ночью сдружился. Звѣзды взойдутъ огне-крупными слезами, на тебя взглянуть и падаютъ, а ты не шелохнешься. Сорву ли цвѣты, положу ли на могилу, не завянутъ отъ моихъ слезъ, слезъ горячихъ. Кто выпьетъ мои слезы, какъ не сырая земля. О, ты, мой незапамятный! Во снѣ или наяву я плачу рыданіемъ и тебя не вижу. Во мнѣ все закручинилось. За то ли, что я зачала тебя, что любила тебя,—гдѣ ты? Синее ли море поглотило тебя,—гдѣ ты? Повѣдай, не скрывай, скажи, я одна подлѣ тебя, я давно жду твоего отвѣта. Или не узнаешь взрыднаго голоса? Кланяюсь, цѣлую въ губы, скажи на ухо, порадуй непорядную⁴⁶⁾, обними обнимающую тебя. Проснись, пробудись...

Іуда. Сиборія...

(Сиборія смотритъ на Іуду съ простертыми руками.)

Іуда (подходя къ Сиборіи). Сиборія, скажи мнѣ... Я стоялъ тутъ и слушалъ. Твой плачъ надрываетъ сердце. Пожалѣй себя. Развѣ ты не любишь меня?

Сиборія. Люблю.

Іуда. Милая горлица, бѣлая пташка! Будемъ любить другъ друга. Будемъ навѣки вмѣстѣ. Насъ съ тобой не разлучать ни снѣга, ни морозы. (Лаская. Тихо.) Открой же: что на твоемъ сердцѣ? Не бойся. (Сиборія понурилась.) Я помогу тебѣ.

Сиборія. Нельзя помочь.

Іуда. У тебя есть грѣхъ на душѣ?

Сиборія. Нѣтъ мнѣ просвѣта.

Іуда. Ты одна его совершила?

Сиборія (послѣ борьбы, совсѣмъ склонившись; едва слышно). Одна.

Іуда. Кто-нибудь зналъ?

Сиборія. Мой мужъ.

Іуда (рѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія). Сиборія, какой бы ни былъ твой грѣхъ, самый тяжкій, клянусь тебѣ, я его беру...

Сиборія. Остановись! Его никогда не замолить.

⁴⁶⁾ Непорядную—разстроенную, разладную. См. Е. Б. Барсова: Причитанья сѣвернаго края. Ч. I. М. 1882.

Иуда. Пусть такъ. Этотъ грѣхъ я принимаю на себя.

Сиборія (съ отчаяніемъ). Я погубила свое единственное дитя.

Иуда. Это случилось по неосторожности? Ты его заспала ⁴⁷⁾?

Сиборія. Нѣтъ. Сама. Слушай и суди меня.

Иуда. Говори.

Сиборія (собравшись съ духомъ, спокойно). Въ годъ моего замужества однажды ночью приснился мнѣ сонъ: видѣла я, явился ко мнѣ крылатый человѣкъ и, опаливъ меня, ровно огнемъ, сказалъ, что родится у меня сынъ, который погубитъ весь нашъ родъ: убьетъ отца, женится на матери, будетъ царемъ, и горе его душѣ и надъ горами горе и надъ бѣдами бѣда—лучше бы было да ему на свѣтъ не родиться. Проснувшись, я рассказала мужу, онъ сталъ шутить и смѣяться. Въ ту же ночь я зачала. А когда родился у насъ сынъ, страхъ обуялъ насъ: мы хотѣли убить его, рука не поднимается, жалко; оставтъ же у себя, воспитывать его, страшно. Взяли мы тогда корзинку, осмолили ее, положили его въ корзинку, а вмѣстѣ съ нимъ записку съ именемъ и золотое яблоко, чтобы забавлялось дитя. Снесли корзину на Іорданъ и пустили ее въ море. Думали: понесутъ ее волны, а море безнайду поглотить. Море и поглотило. А что же вышло? Мужъ мой дожилъ до старости, никто его пальцемъ не тронулъ, самъ собой померъ, я за тебя вышла, а невинное дитя погибло. Никто не знаетъ судьбы. Я же повѣрила сну. Что мнѣ за это?

Иуда. А какъ давно это было?

Сиборія. Лѣтъ двадцать.

Иуда (про себя). Лѣтъ двадцать. (Громко.) А яблоко съ этой яблони?

Сиборія. Въ ночь, когда онъ родился, чудомъ появилась эта яблоня. Такой на всемъ свѣтѣ нѣтъ.

Иуда. Стало быть, если явится человѣкъ, который будетъ обладать такимъ яблокомъ, это и будетъ твой сынъ?

Сиборія. Да, но онъ никогда не явится. Прежде, бывало, я ждала его: припаду, бывало, къ землѣ и все слушаю, не стучать ли колеса, не звенять ли подковы... Истаяли мои глаза. Мнѣ мучиться и не отмучиться.

Иуда. А какъ звали твоего сына?

Сиборія. Иудой.

(Молчаніе. Появляется Вѣстникъ, за нимъ Зифъ.)

СЦЕНА V-я.

Сиборія, Иуда, Вѣстникъ и Зифъ.

Зифъ (задерживая Вѣстника). Постой! Остановись! Куда идешь?

Вѣстникъ. Я долженъ сказать ему.

Зифъ. Постой. Видишь,—сейчасъ не время.

Вѣстникъ. Она привезла съ острова важныя вѣсти.

Зифъ. А тебѣ что! Сама придетъ и сообщить ему. Не мѣшай.

⁴⁷⁾ Заспать—удушить, задавить собою въ крѣпкомъ снѣ.

Вѣстникъ. Онъ ничего и не подозрѣваетъ...
Зифъ. Онъ забылъ все на свѣтѣ.
Вѣстникъ. Люди такъ часто забываютъ.
Зифъ. Видишь, какъ онъ потемнѣлъ вдругъ, темнѣе тучи. Пойдемъ отъ грѣха: увидитъ, еще задастъ намъ.
Вѣстникъ. Ну, пускай она сюда сама приходитъ. Я ей такъ и скажу.
(Зифъ и Вѣстникъ исчезаютъ. И черезъ нѣкоторое время на крыльцѣ дворца показывается Ункрада, оставаясь незамѣтною для Сиборіи и Иуды.)

СЦЕНА VI-ая.

Сиборія, Иуда и Ункрада.

Сиборія (къ Иудѣ, молчаніе котораго становится невыносимымъ). Да что же ты молчишь?—Дай мнѣ отвѣтъ.

Иуда (внятно). Я твоего мужа убилъ.

Сиборія (не понимаетъ). Что?..

Иуда. Я твоего мужа убилъ.

Сиборія (смотритъ съ недоумѣніемъ и тревогой). Ты бредишь.

Иуда (твердо). Когда по повелѣнію Пилата я вошелъ въ вашъ садъ, чтобы достать ему золотыхъ яблокъ,—это было, помнишь, въ ту ночь?—и не успѣлъ я сорвать и одного яблока, какъ на меня бросился какой-то старикъ и хотѣлъ меня ударить; я съ силой оттолкнулъ его отъ себя—онъ крѣпко ударился объ землю и больше не поднялся. Это былъ твой мужъ. Я убилъ его. Теперь между нами нѣтъ тайны.—Простишь ли ты мнѣ?

Сиборія (поднялась, въ тихомъ ужасѣ). Я сейчасъ... я этого не знала... я не могу такъ сразу... дай мнѣ собрать мысли. (Идетъ, шатаясь, по направленію къ саду; у калитки остановилась.) Господи, какъ же это такъ... Это невозможно... (Ступаетъ въ садъ.)

Иуда (проводя ея глазами). Не простишь. — Ты не простишь?.. (Стоитъ угнетенный. Невольно поворачиваетъ голову въ сторону дворца, вглядывается и пятится къ забору, узнавъ Ункраду.)

СЦЕНА VII-ая.

Иуда и Ункрада.

Ункрада. Покаялся?

Иуда. Кто тебя привелъ сюда?

Ункрада. Море.

Иуда. Что тебѣ надо?

Ункрада. Не узналъ?.. Съ острова вѣсти.

Иуда. Что случилось?

Ункрада. Клятву нарушилъ.

Иуда. А ты?

Ункрада. Повѣрилъ... Охъ ты, человѣкъ, такъ-то ты любишь!

Иуда. Ты измѣнила.

У н к р а д а. Твой братъ убить.

І у д а. Кто его убійца?

У н к р а д а (со смѣхомъ). Іерусалимскіе купцы.

І у д а. Не понимаю.

У н к р а д а. Не понимаешь? Забылъ?.. Вспомни! Задумай! ⁴⁸⁾ Я, бывало, въ сумерки, когда сомкнется день съ ночью, придетъ короткая пора,—закрѣплю мое сердце, наклоню голову, сдержу тоску, а лѣсъ-то какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ. Я пою—моя пѣсня. Она жжетъ мнѣ сердце. Пѣсни—соколы, куда ихъ дѣну? Жарко люблю, я буду любить наперекоръ вѣтру, грозѣ и бурѣ. Такъ годъ годовала—вѣкъ вѣка. Всѣ думы продумала. Три темныя мглы опустились. И росла тоска, какъ вечерняя тьма подъ осень. (Переступая ступени лѣстницы.) Если бы забыла тебя, я никогда бы не пришла сюда.—Смотри, голова моя увивана золотомъ. Я—твоя воля и твоя судьба. Кладу ее выше плечъ на твою голову. Мой вѣнецъ не свѣютъ вѣтры, не смочутъ дожди, не симутъ люди. Я нашла тебя.

І у д а (охваченный тревогой). Ункрада, что ты скрываешь?

У н к р а д а. Твоя мать умерла.

І у д а (растерянно). Я съ ней не простился.—Звала она меня?

У н к р а д а. Нѣтъ.

І у д а. Нѣтъ?..

У н к р а д а. Она тебѣ не мать.—Ты не ея сынъ.

І у д а. Она не моя мать?..

У н к р а д а. Подойди ко мнѣ: не огонь иду, не обожгу.

І у д а. Неправда. (Подходя къ Ункрадѣ.) Какъ могло это случиться?

У н к р а д а. Очень просто. Двадцать лѣтъ твоя мать скрывала, все боялась и только передъ смертью рѣшилась открыть царю. Она долго была бесплодна,—ты это знаешь,—и желала имѣть ребенка. Никуда не выходила, все молилась, только къ морю. Однажды, молясь у моря, она увидѣла прибитую волнами къ берегу осмоленную корзинку, а въ корзинкѣ на сѣнѣ лежалъ младенецъ. Тамъ же нашла она записку—ими младенца и диковинное золотое яблоко. Вотъ оно.—Горить, какъ жаръ! (Подаетъ Іудѣ яблоко.) Теперь ты свободенъ. Бояться нечего. Темно между землей и небомъ. Никто не знаетъ своей судьбы. Всѣ предсказанія лгутъ.

І у д а (однѣми губами). Всѣ предсказанія лгутъ... А это яблоко?

У н к р а д а. Царь тебя ждетъ, чтобы передать тебѣ царство. Укротились въ полѣ вѣтры, уходила волна на морѣ. Грозно сине солоно море не горитъ погодой, уставилось. Тихое тихо гонить воду. Корабль готовъ. (Протягиваетъ Іудѣ руку.)

(І у д а столбомъ стоитъ; въ рукахъ золотое яблоко.)

Что жъ стоишь?—не змѣя плыву, не оклюю ⁴⁹⁾. (Съ горькой усмѣшкой.) Или жаль тебѣ теплаго угла, тѣнистаго бѣлаго сада?—Твоя жена все забудетъ.—Что жъ? убилъ ея мужа: покайся.—Она проститъ тебя. Она такая, что прощаютъ... Народите дѣтей, заживете въ душу—и

⁴⁸⁾ Задумай—призадумайся, загадай.

⁴⁹⁾ Не оклюю—не ужалою, не испорчу, не сглажу.

пройдутъ ваши годы, какъ птица пролетитъ: не жизнь, а масляница!
(Съ гнѣвомъ.) Поди, прости съ ней.

(Иуда попрежнему стоитъ, не подымая глазъ.)

У н к р а д а. Царь!

И у д а (вздвогнувъ, черезъ силу). Посмотри, что съ моей матерью.

У н к р а д а. Съ какой матерью?! (Смотритъ съ недоумѣнiемъ вокругъ. Глаза упали на яблоню. Стоитъ пораженная.) Золотыя яблоки! (Вдругъ что-то напоминаетъ ей.) Гдѣ я ихъ видѣла?.. (Мучительно роется въ памяти. Быстро подходитъ къ Иудѣ, смотритъ сначала на яблоко.) Дай мнѣ его!.. (Потомъ заглянула ему въ лицо.)

И у д а (не выпуская изъ рукъ яблока). Она тамъ... моя жена и моя мать... въ саду.

У н к р а д а (отступая). Жена и мать... (подавивъ въ себѣ поднимавшiйся вопль, неровно, озираясь, проходитъ въ садъ, откуда скоро возвращается, осторожно закрываетъ калитку. Шопотомъ.) Ее кинуло въ сонъ—она заснула—подъ яблоней: золотые ея волосы лучами раскинулись по землѣ, она спитъ, какъ солнце спитъ въ яблоневомъ садѣ, бѣло-алый цвѣтъ осыпается на ея глаза... (Вскрикиваетъ.) Смотри!—черное облако безъ крыльевъ летитъ надъ нами!.. Ее громомъ убьетъ!

И у д а (выпрямляется. Отбрасываетъ яблоко. Дѣлаетъ на себѣ крестъ). Я готовъ.

У н к р а д а (преграждая ему путь). Куда?..

И у д а. На распутье.

У н к р а д а (какъ во снѣ). Къ тремъ дорогамъ?

И у д а. Я слышу его голосъ. Онъ зоветъ меня, чтобы я принялъ на себя за весь мiръ послѣднюю и самую тяжкую вину.

У н к р а д а. Иду за тобой. Вмѣстѣ... А ты знаешь имя этой вины?

И у д а (на минуту задумался; про себя). Имя...

У н к р а д а (словно расцвѣла вся). Да, имя ея... Послѣдняя и самая тяжкая вина—предательство.

И у д а. Я готовъ. (Идетъ въ предгрошной тишинѣ.)

У н к р а д а (бросается за нимъ). Остановись! Ты — царь. Твое—Море. Твой—Океанъ. (На колѣняхъ.) Остановись! Послушай меня. Какъ земля къ землѣ припадаетъ тихо и кротко, такъ я къ тебѣ... тихо и кротко... Тебя твоя тѣнь покидаетъ.—У тебя нѣтъ больше тѣни! Иуда! (Ползетъ за Иудой.) Предатель... предатель... предатель...

З а н а в ѣ с ѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сказаніе о Іудѣ предателѣ⁵⁰⁾.

Бысть нѣкій мужъ въ Іерусалимѣ именемъ Рувимъ, именовавшееся инако Симонъ, отъ колѣна Данова, о немъ же пишется: «Да будетъ Данъ змѣя на распутіи»; отъ коего колѣна имать родитися антихристъ. Сей Симонъ имѣяше жену именемъ Циборію, и зачатъ Циборія сына, и уснувши сонъ видѣ. Воспрянувши же отъ сна, страхомъ велимъ одержима бысть; со въздыханіемъ и сѣтованіемъ мужу своему начать повѣдати, глаголя: «Видѣхъся, рече, родыши сына зѣло злаго, иже явился всему роду нашему виною погибели». Къ ней же мужъ рече: «Пустошная и слышанію недостойная глаголеши, лукавый же духъ устраши тя». Къ нему же жена: «Аще, рече, не медливши зачну во чревѣ, и рожду сына, безъ всякаго усумнѣнія, не лукавый бо духъ устраши мя, но токмо есть откровеніе истинно». И абіе въ то время зачатъ во чревѣ.

Приспѣвшу времени рожденія родися имъ сынъ, и бояхуся зѣло о немъ, и что бы ему сотворили, мысляху въ себѣ, глаголюще: «Убили быхомъ сына паю, но ужасно есть; такожде и питати губителя рода своего—и се небезбѣдно есть». Абіе же написавше на харти имя его «Іюда», купно съ нимъ возложиша въ ковчежець, и на море пустиша. Волны же его принесоша во островъ, нарицаемый Искаріодъ, и отъ сего острова Іюда «Искаріодскій» наречеся. Острова же того царева жена не имѣяше чадъ. Сія въ то время изыде къ морю утѣшиться, и видѣвши ковчежець, влающійся при берегу моря, повелѣ его взяти и отверзти, хотя видѣти бывшее; и обрѣте въ немъ отроча красно, и вздохнувши въ себѣ рече: «Увы мнѣ неплоднѣй! Хотѣла бы и азъ таковое имѣти чадо, да не останетца безъ наслѣдія царство мое!» И сего ради той часъ повемъ отроча сіе дойти, и себе быти непраздну лестно рече: «Просихъ и родихъ младенца своего». И во все ея царство слава велія изыде о семъ, яко царица роди сына.

Мужъ ея царь, яко не зная о семъ, въ правду сіе вѣняше и радовашеся зѣло ради сына родшагося; и вси людіе его съ нимъ ликоваху. Сіе отроча по чину царскому и благолѣпію питати царь повелѣ. Не по многѣ же времени, царица заченши въ правду отъ сѣмени мужа своего, во время свое породила. Егда же оба младенца подрастоша, и бяху всегда играюще съ собою: Іюда сына царева многажды уничижающе біяше и множицею плакати отроча творяше; царица же, сіе видѣ, зѣло скорбяше на Іюду, многажды біючи его, знаючи, яко нѣсть сынъ ея. По времени же не малѣ, не утаися неправды дѣло, но явѣ всѣмъ открыся, яко Іюда нѣсть сынъ царевъ, но на морѣ обрѣтеся.

Сіе же Іюда ощутивше, устыдѣся зѣло, и брата своего мнимаго, сына царева, тай уби. Убоявшижеся надлежащія себѣ бѣды, да не и самъ того ради убіенъ будетъ, убѣжа въ Іерусалимъ съ тѣми, иже даны отдаати не соша, и прилѣпился къ слугамъ Пилата, бывша въ то время Игемонъ Іерусалимляномъ, а понеже вещи подобны себѣ удобъ смѣситься могутъ, прииде къ Пилату и угоденъ ему бысть. Пилатъ же, уви-

⁵⁰⁾ См. П. А. Безсоновъ: Калики переходя. М. 1861—64 г.; Н. Н. Костомаровъ: Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 1, т. I. Спб. 1903.

дѣвъ Іюду, яко правомъ подобенъ ему, пріять его во дворъ свой; не по мнозѣ же времени, начатъ зѣло любити его и сотвори того старѣйшину и строителя дому своего, и вси слуги отъ мала и даже до велика послушаху его. Случися же во единъ день, яко Пилать взираше изъ дому своего на нѣкій садъ, недалече сущій отъ двора его, и видѣ въ немъ яблоки доброзрачны зѣло, отъ нихъ же желаше ясти; сей же садъ бѣше Рувима, отца Іюдина. Іюда же Рувима, такожде и Іюду Рувимъ не знаеше, яко сынъ ему бѣ; но не токмо мняше и всегда въ сердцѣ своемъ помышляше Рувимъ, яко сынъ его съ ковчежцемъ потопа въ мори, такожде и Іюда отнюдь не знаеше, кто есть отецъ его, и мати родившая того, и гдѣ есть отечество его. По семъ призва Іюду Пилать къ себѣ и рече: «Сиче жаелаетъ душа моя плода вкусить отъ сада онаго, яко аще не снѣмъ отъ него, смертію умру». Іюда же, слышавъ сіе слово, тече скоро въ садъ и нача угодныя ему яблоки урывать. По случаю же въ то время пріиде Рувимъ, и видѣ Іюду яблоки порывающа въ своемъ садѣ, разгнѣвася нанъ зѣло, и другъ друга начаша поношати и ругатися, по сихъ битися единъ, другому одолѣваючи; послѣди же Іюда, взявъ камень, удари Рувима по выи, и уби язвою смертною отца своего. Яблоки же взявши понесе къ Пилату, и вся приключившаяся ему возвѣсти. Егда же къ вечеру бысть, нашедши нощи, Рувимъ въ садѣ своемъ обрѣтесе мертвый, и вси глаголаху, яко напрасно, сирѣчь смертію нечаемою, сему умрѣти приключися. Нѣкому же времени минувшу, Пилать все имѣніе Рувима и Циборію жену его, мать Іюдину, за жену Іудѣ, возлюбленному отроку своему, отдале. Во единъ же отъ дней, Циборія тяжко сѣтующи, воздыхаше. Мужъ же ея Іюда, что ей бысть, прилѣжно о семъ испытоваше. Рѣче же къ нему жена: «Увы мнѣ! Всѣхъ женъ азъ окаяннѣйшая, ибо отроча сына моего ввергохъ въ мрое, мужа моего напрасно умерша обрѣтохъ, еще же Пилать приложу ми, лютѣ уязвленной, слезы къ слезамъ, тебѣ мя совокупивъ, и многимъ насиліемъ за жену предаде». И егда сія вся о дѣтици своемъ изрѣче Циборія, и Іюда такожде приключившаяся ему возвѣсти ей вся; тогда обрѣтесе, яко Іюда мать всю взявъ себѣ въ жену, и живяше съ нею и отца своего уби. Сего ради кающися, по совѣту Циборіи матери и жены своея, пріиде ко Господу нашему Іисусу Христу, учащу въ то время и вся недужныя исцѣлевающе во всей Іудеи и прощенія отъ Него о грѣхахъ своихъ сподобися.

Сего Господь въ Божественныхъ Судьбахъ Своихъ тако возлюбилъ, яко и на апостольство себе избра и попеченіе ему о Себѣ и о прочихъ апостолахъ, еже къ требованію тѣлесному вручи, онъ же ковчежець имѣяше и вметаемая Христови въ милостыни ношаша. Той же по сихъ и предатель бысть Господу и Владыцѣ своему. Сей скорбѣяше и во время страсти Христовы о мірѣ, яко могущее на трехъ сотѣ пѣнязъ продатися и датися нищимъ въ требованіе, не продано бысть, но туне проліяно на главу Христову: не яко бо о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, по свидѣтельству, написанному отъ святого Іоанна Евангелиста. Сего ради шедъ продаде Господа Іисуса Іудеомъ на тридесятихъ серебряницѣхъ, иже кійждо въ себѣ всдержаше десять пѣнязей; пѣнязь же имѣеть въ себѣ десять грошей Польскихъ: и тако тцету міра трехъ сотѣ пѣнязей наполни себѣ. Или яко иніи глаголютъ, яко всего того, еже Христу приношашеся, отъ сихъ десятую часть всегда крадѣше, и

того ради за десятую часть, юже погуби въ мірѣ многоцѣннѣмъ, сирѣчь за тридесять серебряникъ Іисуса продаде. Ихъ же по семъ раскаявся, Жидомъ паки вспять возврати, и повергши серебрянники въ церкви, шедъ и на древѣ обѣсившися удавися, и просѣдся посреде, и изліяся вся утроба его. Подобаше бо чресломъ его раздратися и утробѣ всей изліятися, въ ней же зачатся и родися злоба и предательство на Господа нашего Іисуса Христа; и ужемъ срамотнымъ завязатися гортани его, отнюдуже изыде сложеніе цѣны Безцѣннаго Господа и слово лукаво; добрѣ сей на воздухъ погibe, иже ангеловъ и чловѣковъ оскорби; отъ предѣлъ ангельскихъ и чловѣческихъ изгнану, нигдѣ индѣ, токмо на воздухъ съ демоны сему водворятися и погibнуть надлежаше. Насъ же чтущихъ и слышащихъ сіе беззаконное его житіе и дѣяніе, отъ такового злаго нрава сохрани всѣхъ Христе Богъ нашъ, и сподоби небесному Царствію Твоему, славимый со Отцомъ и со Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Алексѣй Ремизовъ.

